

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

ГРУППА АНТИТЕРРОР

Сергей МОСКВИН

ПРОФИ ИЗ
«ВЫМПЕЛА»

Сергей Москвин

Профи из «Вымпела»

«ЭКСМО»

2004

Москвин С. Л.

Профи из «Вымпела» / С. Л. Москвин — «Эксмо», 2004

Организовать такой теракт в России, чтобы затмить памятную американскую трагедию, – таков план чеченского террориста Гамадова. И будто сам дьявол помогает ему: на станцию Канаш прибывает цистерна с окислителем ракетного топлива – мощнейшей взрывчаткой. Расстрелять караул, захватить цистерну, прицепить ее к товарняку, следующему в Москву, и в столице России устроить фейерверк, от которого небу станет жарко. Тысячи мирных людей сгорят в его огне. Только одна ошибка в расчете: не учел террорист, что существует отряд «Вымпел» Центра спецопераций ФСБ и есть спецназовец Ворон, у которого с бандитами разговор короткий и задача четкая – предотвратить смертоносный взрыв.

© Москвин С. Л., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Часть I	5
1. ПОБУДКА	5
2. ОПЕРАТИВНАЯ РАБОТА	8
3. ВОПРОСЫ	21
4. ЧУШКАРЬ	25
5. НАБЛЮДЕНИЕ	34
6. ПОТЕРЯННЫЙ СЛЕД	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Москвин

Профи из «Вымпела»

Часть I

ОСОБО ОПАСЕН

1. ПОБУДКА

Исправительно-трудовая колония общего режима, Пермская область
23 ноября, 06.25

Жмурясь и позевывая после крепкого и особенно сладкого утреннего сна, прерванного звонком пробудки, Ус сел на койке, натянул черные брезентовые штаны и грубые кирзовые ботинки и не спеша направился в туалет. До того, как звонок вернул его в однообразную и пресную зонавскую реальность, пусть на лучшие, но все-таки нары, Ус кувыркался с роскошной рыжей бабой на не менее роскошной двуспальной кровати, застеленной нежнейшим шелковым бельем. Вопрос удовлетворения естественных потребностей интимной жизни для Уса не стоял так остро, как для мужиков и прочей массы бесправных и задроченных экзков. Хотя Ус не являлся смотрящим зоны, а был только паханом одного из одиннадцати отрядов, но и это звание давало ему исключительные права и полную власть над опущенными, мужиками, честными фраерами и всеми прочими, кто стоял ниже его по рангу. К его услугам были все зонавские петухи. Да и оставшиеся на воле поделыщики не забывали своего мотающего срок кореша. Вот и на позапрошлой неделе прислали ему сиськастую телку на длительную свиданку. Смешно, прошло-то всего две недели, а Ус уже и не помнит лица бабы, с которой не слезал почти трое суток, раскачивая и без того скрипучую казенную койку. Ну да лицо для бабы не главное. Важно, чтобы все остальное было при ней и чтобы умелая была и ласковая. Прошлая как раз такой и оказалась. Сразу видно, профессионалка. Мурлыкала, словно кошка, а уж как подмахивала.

Довольно зажмурившись от накативших воспоминаний, Ус остановился посреди коридора лагерного барака, и спешащий к утреннему построению мужик по неловкости задел его локтем. Мгновенно развернувшись, Ус наподдал мужику носком тяжелого ботинка по заднице, добавив ему дополнительное ускорение. Растирая рукой отбитый копчик, провинившийся экзк припустил дальше. Сам Ус никуда не спешит. Койку за него заправляют «шестерки», а на утреннюю поверку он выходит последним, как и положено пахану. Лучше бы и вовсе не выходить, но по меркам здешней администрации это уже откровенная борзота. За невыход на поверку сразу отправляют в ШИЗО. Конечно, и там люди живут, но все-таки штрафной изолятор не курорт, поэтому лучше не нарываться.

Переступив порог умывальной комнаты, Ус оказался в просторном помещении с выложенным шершавым кафелем полом и оштукатуренными крашеными стенами. На одной из них установлены в ряд десяток металлических раковин, над каждой торчит ввинченный прямо в трубу медный кран. Еще несколько минут назад здесь было не протолкнуться от ждущих своей очереди заключенных, сейчас же у раковин умываются лишь двое припозднившихся экзков. Проходя мимо, Ус исподлобья метнул в них откровенно злобный взгляд своих хмурых, глубоко посаженных глаз... Новенькие, с последнего этапа. Всего неделю на зоне, а уже покусились на его, Уса, старшинство. Борзоты выше крыши. Вот и к утренней поверке не торопятся. И ведь не опустишь, как какого-нибудь зарвавшегося баклана – оба козырной масти... Ус понимал,

если он хочет сохранить свой авторитет и положение пахана, то в самое ближайшее время должен дать укорот зарвавшимся новичкам. Но те, очевидно, понимая это, не давали ему повода для правилки.

Встреча с ворами, не признающими его старшинство, окончательно испортила Усу настроение. Еще раз оглянувшись на умывающихся эзов, которые демонстративно не замечали его появления, Ус прошел в отделенный стенкой от умывальной комнаты туалет. Выдраенные петухами толчки сверкали чистотой. Тем не менее, заглянув в несколько туалетных кабинок, Ус обнаружил на керамических «очках» желтоватый налет, и это сразу поправило ему настроение. Значит, будут сегодня ночью петухи вылизывать все «очки» до седьмого пота. В предвкушении ночной забавы Ус довольно улыбнулся. Облегчившись, он вернулся в умывальник, где уже никого не было. Борзеющие эки все-таки поспешили присоединиться к строящемуся перед баракком отряду. Значит, сдрейфили перед начальниками, прогнулись. Ус ухмыльнулся. Все-таки хлипки они против него. Нет в них той крепости, которая отличает настоящего вора. Таким никогда не стать паханами и, следовательно, не занять его места. Окончательно успокоившись, Ус открыл кран и начал умываться.

Гремя ведром и шваброй, в умывальник вошел чеченец Ганя – сегодняшний дневальный. Этот тоже борзел, да еще похлеще этих двоих с последнего этапа, только недолго. Лишь до тех пор, пока его через шконку не перегнули да не отпетушили всем хором. Он, падла, еще какое-то время зубами клал, а как клыки выбили, сразу стал нежным и ласковым.

Ганя вынул из ведра тряпку и, нахлобучив ее на швабру, принялся возить по полу. У отрядного петуха было много имен. Переиначивая на женский манер его прежнее имя Гамид, эки называли чеченца то Гулей, то Ганей, а то и вовсе Галей. Два с половиной года назад Гамид прибыл на зону настоящим волком, как чечены любят себя называть. Он на всех смотрел зверем и так и кидался на людей. Губе всю морду разбил и даже умудрился руку сломать – каратистом, падла, оказался. Но Ус быстро его укротил. По его указке четверо эзов ухватили чеченца за руки, а пятый накинул на шею скрученное в жгут полотенце. Тот и сделать ничего не сумел. Был каратист, да весь вышел. Уложили брыкающегося чеченца поперек койки, и Ус собственноручно спустил с него штаны. Задница у Гамида оказалась не бабья – поджарая и мускулистая, но вертел он ею почище любой бляди. Ус даже удовольствие получил, когда его харил. Потом и другие приложились. Отжарили чеченского волчару во все дырки в воспитательных целях. А чтобы тот не кусался, Ус ему передние зубы выбил: по два на верхней и на нижней челюсти. Черножопый сейчас старается лишний раз рот не раскрывать, чтобы эту дыру не показывать. А когда чего-то бормочет, то башку на сторону воротит или ладошкой рот прикрывает.

– Слышь, Ганя, может, тебе к последнему звонку паранджу подарить, чтобы было чем на воле твое личико прикрыть? – Повернувшись к опущенному, Ус довольно оскалился.

Ганя ничего не ответил. Лишь продолжал возить тряпкой по полу. Чует сука, что «звон» близко. Амнистия чеченскому петуху вышла. Со дня на день откинется. И ведь только-только полсрока отмотал. Но ничего, он эти последние дни на всю жизнь запомнит.

– Чего рожу воротишь? Али не нравлюсь? – ухмыляясь, поинтересовался Ус.

Ганя вновь промолчал. Даже головы не поднял. Неслыханная наглость опущенного вывела Уса из себя.

– А ну, вон сюда! – угрожающе потребовал он.

Ганя аккуратно положил швабру на пол и послушно подошел к Усу. Голову он, как обычно, держал низко опущенной, а руками взялся за штаны, видно, собираясь по требованию пахана спустить их. Демонстративная покорность Гани успокоила Уса, и он одобрительно усмехнулся. Но в следующее мгновение Ганя резко вскинул голову, и Ус увидел прямо перед собой его полные холодной ненависти глаза.

– Ты... – взревел пахан, но договорить уже не успел.

Петух внезапно ткнул его своим костлявым кулаком под дых, и Ус согнулся пополам, судорожно хватая ртом воздух. Дальнейшее показалось каким-то кошмарным сном, потому что никогда такое с Усом не происходило и ни о чем подобном он не слышал, хотя уже в третий раз топтал зону. Петух, как крюками, зацепил его двумя пальцами за глазницы и резко запрокинул голову.

– Больно, ублюдок? – прошипел он в лицо Усу. – А будет еще больнее.

Он говорил так уверенно, что Ус со всей ясностью понял – действительно будет. Чеченец обхватил его локтем за горло, дышать стало еще труднее, и потащил за собой. Ус плохо соображал, куда его ведут, все плыло у него перед глазами, и очухался, только оказавшись в одной из туалетных кабинок. Чеченец стоял перед ним, заслоняя выход, и все тем же уверенным голосом продолжал:

– Запомни, свинья, у меня было все: дом, деньги, бизнес и власть. А потом пришли такие же, как ты, русские свиньи и отняли все это, а меня швырнули сюда, где ты и твои шакалы надругались надо мной. Но я смою свой позор твоей кровью. А затем кровью умоются и те русские, которые сейчас хозяйничают на моей земле и в моем доме. Я буду резать вас, как баранов.

С этими словами чеченец что-то вытащил из-под полы своей арестантской робы, и, когда поднес руку ближе, Ус увидел у него в кулаке обычную алюминиевую ложку. Только ее края оказались заточены до остроты ножа. Очевидно, не умея правильно изготовить заточку, петух наточил у ложки не ручку, а сам черпак, но от этого ложка в его руках выглядела еще страшнее.

Ус в ужасе отшатнулся. Но бежать было некуда. За спиной оказалась стена. И Ус, оступившись, опустился прямо на «очко» вмурованного в пол унитаза. Он попробовал защититься от наступающего на него чеченца. Но после того, как петух едва не придушил его, руки стали ватными и почти не слушались. Ус попусту водил ими перед собой. Не обращая внимания на его судорожные неумелые движения, чеченец подцепил его подбородок своей заточенной ложкой и стал давить на нее. Ус почувствовал, как самодельное кривое лезвие врезается ему в кожу. По шее одна за другой стали скатываться капли крови. Ус в панике замахал перед собой руками и даже умудрился попасть по руке петуха, которой тот сжимал свою заточку. Лезвие дернулось в сторону, еще сильнее вспоров кожу. Горло словно обожгло огнем. А петух... петух вдруг резко нажал и сейчас же убрал руку, а затем поспешно отступил назад. Ус увидел торчащую у себя из-под подбородка ручку алюминиевой ложки и собственную кровь, брызжущую из раны на часто вздымающуюся грудь. Увидел скалящееся лицо чеченца в паре метров от себя. А затем поднявшаяся откуда-то снизу живота темная удушливая волна накрыла его с головой, и он поплыл, полетел следом за ней, все глубже проваливаясь в темную бездну, пока чернота не поглотила его целиком.

2. ОПЕРАТИВНАЯ РАБОТА

Трасса Грозный – Шали, Чеченская республика

24 ноября, 15.40

Водитель медленно ползущего по размытой затяжным дождем дороге армейского «УАЗа» бросил быстрый взгляд в боковые зеркала заднего вида и, не оборачиваясь, сообщил:

– Никого. Чисто.

Сидящий рядом с сержантом-водителем на переднем сиденье старший лейтенант-пограничник сейчас же обернулся к расположившемуся у него за спиной молодому рослому мужчине в армейском камуфляже без знаков различия.

– Я пошел, – ответил тот на вопросительный взгляд старшего лейтенанта и подхватил стоящий между ног автомат.

– Тормози! – приказал офицер-пограничник сержанту, и тот, не съезжая с дороги, остановил машину. – Мы поедем обратно через четыре часа. Если опоздаешь, ждать не будем, извини, – напомнил старлей пассажиру с заднего сиденья.

Тот молча кивнул, а про себя подумал, что он либо выберется к дороге заранее, либо не вернется вовсе, но в любом случае не опоздает. Перехватив автомат левой рукой за ствольную коробку, правой мужчина распахнул дверцу «УАЗа» и выпрыгнул из машины сразу на заросшую травой обочину, не оставив своих следов на мокрой от пролившегося дождя дороге.

– Пошел, – приказал старший лейтенант сержанту, и тот, отпустив сцепление, покатил дальше.

А выпрыгнувший из машины человек привычно повесил на плечо автомат и быстро зашагал от дороги к виднеющейся вдали буковой роще, за которой располагалось чеченское селение Старые Атаги, конечная цель его маршрута...

Два месяца назад оперативно-поисковая группа отряда «Вымпел» Центра спецопераций ФСБ России, которой командовал Ворон, он же капитан Воронин Кирилл Александрович, выследила и в результате короткого, но ожесточенного боя уничтожила группу чеченских боевиков-диверсантов, пробиравшихся к Грозному из горной части Чечни. В том памятном Ворону бою вымпеловцы, лишь один из которых получил легкое ранение, ликвидировали четверых боевиков, включая главаря диверсионной группы, а пятого захватили живым. Ворон взял его сам. Старший вымпеловцев и чеченец практически одновременно направили друг на друга автоматы. Но спецназовец все-таки опередил боевика на доли секунды и имел реальный шанс, не подвергая себя опасности, застрелить его, но не стал этого делать. За короткие мгновения, отделяющие жизнь от смерти, он разглядел отчаяние и страх в глазах чеченца, совсем еще молодого парня, и сумел найти нужные слова, погасившие у того безумство верного самоубийства и заставившие боевика опустить оружие. Несколькими минутами позже, в порыве откровения, чеченский парень, которому Ворон в прямом смысле подарил жизнь, со слезами на глазах рассказывал командиру оперативной группы «Вымпела» о том, как его завербовали боевики из отряда Басаева, посулив тысячу долларов, которых он так и не получил. Возглавлявший их группу командир после диверсионного рейда в Грозный обещал заплатить каждому бойцу уже по пять тысяч долларов, но парень, которого, как выяснил Ворон, звали Равшаном, был уверен, что его опять обманут. Равшан сказал офицеру «Вымпела», что собирался сбежать от боевиков Басаева в родное село и только ждал подходящего момента.

У него не оказалось кровоподтека на правом плече и сухой мозоли на подушечке указательного пальца, образующихся от частой стрельбы, – отличительных признаков давно воюющих боевиков, и Ворон поверил ему. За бандитизм и вооруженное сопротивление Равшану грозил длительный срок заключения, но Ворон не стал задерживать чеченского парня, а вместо этого, взяв с него письменное согласие сотрудничать, отпустил его. Свое обещание о доб-

ровольном сотрудничестве с Федеральной службой безопасности Равшан написал, пристроив полученный от Кирилла бумажный листок у себя на колене. Он честно рассказал командиру спецназовцев все, что ему было известно об учебно-тренировочных базах басаевских отрядов в горной части Чечни, где сам прошел месячную подготовку, но наотрез отказался в дальнейшем писать какие-либо донесения, заявив, что все сведения будет сообщать только устно и лишь одному Ворону. По договоренности с начальником оперативного отдела «Вымпела», при возвращении на базу в Ханкалу Ворон доложил в штабе группировки федеральных сил о том, что одному из боевиков, отстреливавшемуся и ранившему при этом бойца оперативно-поисковой группы, удалось скрыться. Усилиями оперативников «Вымпела» эту информацию удалось довести и до полевых командиров отрядов Басаева, что значительно подняло среди боевиков авторитет Равшана. При следующей встрече с Вороном Равшан сообщил офицеру «Вымпела», что Басаев назначил его одним из своих проводников, поручив ему проводить диверсионные группы и отдельных боевиков в Шалинском и Урус-Мартанском районах в обход армейских и милицейских постов. Добываемые Равшаном сведения трудно было переоценить. По его информации удалось определить точное местонахождение одной из учебно-тренировочных баз басаевских отрядов в горной части Чечни, а затем массированным ракетно-бомбовым ударом с воздуха уничтожить ее. В другой раз Равшан сообщил об ожидаемом Басаевым караване с переносными зенитно-ракетными комплексами «стрела», который должен был прийти из Грузии. Равшану не был известен путь каравана, тем не менее направленным на перехват поисковым группам «Вымпела» удалось его обнаружить и после преследования полностью уничтожить, захватив двадцать зенитно-ракетных комплексов и другое оружие.

Сегодня должна была состояться очередная, пятая по счету, встреча с агентом. И, направляясь к месту встречи, Ворон надеялся, что она будет не менее результативной, чем предыдущие. В то же время всегда существовала опасность, что вместо Равшана на встречу явятся непримиримые боевики. Ворон не понаслышке знал, как осторожен и недоверчив главарь чеченских бандитов и как работает его контрразведка. Поэтому провал Равшана никогда нельзя было исключать. Ворон делал все возможное, чтобы сохранить своего агента и сбереечь ему ранее подаренную жизнь. Так, о времени и месте каждой встречи с агентом Стриж, такой псевдоним по аналогии с собственным прозвищем и радиопозывным присвоил Ворон Равшану, знал только начальник оперативного отдела «Вымпела» полковник Бондарев. Строго выполняя данное Равшану обещание, на каждую встречу Ворон являлся в одиночку, без боевого прикрытия, что в условиях незатихающей партизанской войны с чеченскими боевиками требовало от командира оперативной группы изрядной смелости. Но одному человеку легче остаться незамеченным, чем группе пусть даже высокоподготовленных бойцов. В этом Ворон удостоверился еще на таджикско-афганской границе, где в спецназе погранвойск Пянджского погранотряда начал свою военную службу. А за три года в «Вымпеле», где он прошел путь от рядового бойца до командира оперативно-боевой группы, не раз убеждался в справедливости этого утверждения.

После того как он выпрыгнул из армейского «УАЗа» за пару километров от селения Старые Атаги, Ворон мог надеяться только на себя. Поэтому и взял с собой «АК-107» со сбалансированной автоматикой, в два раза превосходящий по кучности стрельбы классические автоматы Калашникова, и четыре запасных магазина к нему, две ручные гранаты и признанный спецназовцами пистолет «ГШ-18», пробивающий своими мощными пулями все типы легких бронежилетов. С таким арсеналом он мог успешно противостоять даже целой группе боевиков. Однако, как командир оперативно-боевой группы, Ворон знал, что результат схватки во многом определяется внезапностью нападения. Поэтому, шагая по своей, российской, но в то же время таящей опасность земле, старался ничем себя не обнаруживать.

Больше всего Ворона беспокоила тянущаяся за ним цепочка следов на мокрой от дождя траве. Оставалось только надеяться, что за два часа до момента предстоящей встречи трава

успеет подсохнуть и распрямиться. Зарядивший с утра обложной дождь прекратился четверть часа назад. Но низкое хмурое небо по-прежнему застилали тучи, так что дождь мог возобновиться в любой момент. Ворон вспомнил услышанное утром по радио сообщение о погоде в Москве. Синоптики вновь предупреждали об обильном снегопаде, рекомендуя автолюбителям воздержаться от поездок по городу... Забавно, можно сказать, что в Москве уже наступила зима. В подмосковной Балашихе, на базе «Вымпела», наверное, уже лежат сугробы. А тут, в Чечне, еще ничто не предвещает зимы, если не считать сегодняшний дождь предвестником будущих снегопадов. Зима здесь наступает неожиданно, резко и сразу. Через какой-нибудь месяц снег накроет горные перевалы, сделав их непроходимыми ни для боевиков, ни для идущих по их следу спецназовцев. С наступлением зимы приостановится и активная фаза боевых действий. Полевые командиры и лидеры боевиков вроде Басаева заблаговременно переберутся к этому моменту в сопредельные Грузию или Азербайджан на заранее подготовленные базы, а то и в более дальнее зарубежье. По причине непроходимости горных троп приостановятся поставки оружия чеченским бандитам из сопредельных государств. За оставшееся до зимы время они постараются восполнить дефицит оружия и израсходованных боеприпасов. Значит, пойдут через границу в ту и в другую сторону караваны. Поэтому именно сейчас добываемые Стрижом сведения имеют особое значение...

Ворон рывком преодолел открытое пространство, отделяющее его от буковой рощи, и нырнул в густые заросли подлеска. Его сейчас же обдал град повисших на ветвях и листьях дождевых капель. Ворон смахнул с лица дождевую воду и, ловко лавируя между ветвями, двинулся дальше. Он хорошо знал местность и, строго выдерживая азимут, зашагал через рощу к месту предстоящей встречи. Размокшая трава под ногами скрывала звуки шагов, вымпеловец двигался совершенно бесшумно, бесплотной тенью скользя между деревьями. В окрестностях селения Старые Атаги уже давно не появлялись боевики. Во всяком случае, в оперативных сводках такие факты не приводились. Тем не менее Ворон ни на минуту не забывал о возможности внезапного нападения, зная о том, что одиночный военнослужащий – самая заманчивая цель для боевиков. Шагая по роще, он внимательно смотрел по сторонам и чутко прислушивался, не хрустнет ли где-то переломленная сухая ветка или не застучат ли по листьям сорвавшиеся с потревоженного куста или дерева дождевые капли. Но вокруг все было спокойно. Лес спал, убаюканный дождем, и непрошенные чужаки не нарушали его покой.

Спустя пятнадцать минут Ворон вышел к опушке. Он дал себе срок быть здесь в шестнадцать часов и, бросив быстрый взгляд на наручные часы, убедился, что точно выдерживает собственный график. Покосившийся деревянный сарай – все, что осталось от пилорамы за годы правления криминально-бандитского режима, разорившего экономику Чечни и ее народ, располагался в пятидесяти метрах от опушки. Правда, новая администрация села собирается восстановить и опять запустить пилораму. Ворон был только рад, что чеченцы возвращаются к нормальной жизни, решив про себя, что, когда это случится, он найдет для встреч с Равшаном другое место.

Остановившись в густых кустах на опушке, Ворон в течение пяти минут осматривал сарай и подходы к нему. Прежде всего его интересовало наличие цепи и навесного замка на воротах сарая. И цепь, и замок оказались на месте. Но это мнимая преграда. Ворон сам подобрал цепь таким образом, чтобы ее длина позволяла, оттянув одну створку, проскользнуть внутрь сарая. Равшану эта уловка известна, а вот посторонним сарай кажется запертым. Во всяком случае, без конкретных намерений сюда никто не должен сунуться. Детально осмотрев сарай снаружи, Ворон перевел взгляд на прилегающую к нему территорию. На обозримом участке следов на траве не было, значит, со стороны рощи с самого утра к сараю никто не подходил. С одной стороны, это обнадеживало, но, с другой, собственные следы наверняка выдадут его присутствие. Подобраться к сараю можно было и с противоположной стороны. От села

к пилораме вела торная дорога. Но и на ней, если выбрать этот путь, также останутся следы. Так что он ничего не выиграет.

Приняв решение, Ворон снял с плеча автомат и, опустив его к ноге, бегом устремился к сараю, стараясь делать как можно более широкие шаги, чтобы оставить за собой меньше следов. Оказавшись возле покосившейся деревянной постройки, он чутко прислушался – вокруг все было спокойно. Ворон обогнул сарай и, оказавшись возле запертых ворот, оттянул на себя поддавшуюся створку и ловко проскользнул внутрь.

* * *

Нырнув в сарай, Ворон повел стволом автомата из стороны в сторону – никого. Кроме как закопаться в землю, спрятаться здесь совершенно негде – за годы разрухи местные жители растащили с пилорамы весь инвентарь. В сарае было необычно тихо и пахло деревом. Прошло уже несколько лет, как на пилораме распилили последнюю доску, но запах древесины ощущался по-прежнему.

Ступая по гниющим на земле опилкам, Ворон обошел сарай, заглядывая в щели и обозревая окрестности. Вокруг все было спокойно – все те же намокшие от дождя кусты и деревья и полное отсутствие людей. Ворон снова повесил автомат на плечо и, пристроившись у щели между разошедшимися досками, стал смотреть на ведущую от села дорогу, на которой должен был появиться его агент. Стрижа следовало ждать ближе к шести. Он никогда не приходил точно в назначенное Вороном время, всякий раз выбирая наиболее удобный для себя момент. Его дом находился в Старых Атагах, и, даже числясь проводником в отряде Басаева, Равшан часто появлялся в родном селе, что позволяло Ворону поддерживать с ним регулярную связь. Но Ворон прекрасно понимал, что Равшану не всегда выпадает возможность в одиночку прогуляться в окрестностях села и встретиться с ним, поэтому и приходил на место заранее, за час или за два до оговоренной встречи.

Примерно через пятьдесят минут его наблюдения на дороге, со стороны села, появились две невысокие человеческие фигуры, судя по походке, женские. Они направлялись к пилораме, и Ворон принялся судорожно гадать, как ему поступить, если женщины попытаются войти в сарай. В сарае не было ничего, что могло их хоть как-то заинтересовать. Тем не менее они подходили к пилораме все ближе и ближе. Расстояние между женщинами и наблюдающим за ними офицером «Вымпела» сократилось настолько, что Ворон даже смог рассмотреть их лица. К пилораме приближались две чеченки: сорока и примерно двадцати лет. Ворон решил, что старшей вполне может быть и больше. Они были одеты в традиционную для чеченских женщин одежду: в темные кофты и длинные черные юбки до щиколоток. На головах платки, а на ногах высокие черные ботинки или полусапожки. Очевидно, страхуясь от дождя, обе женщины надели поверх своей одежды полиэтиленовые дождевики. Молодая чеченка, которая, как заметил Ворон, была довольно симпатичной, несла в руке плетеную корзину, а старшая, видимо, ее мать или свекровь, – матерчатую сумку. Пока они шли по дороге, никто из них не смотрел в сторону сарая. Но Ворон не сомневался: стоит ему выйти из ворот, как женщины его заметят, и тогда место его конспиративных встреч с агентом будет расшифровано. Допустить этого он не мог, но совершенно не представлял, что ему предпринять, если женщины все же попытаются проникнуть в сарай. Момент, когда он мог незаметно покинуть пилораму, был безнадежно упущен. И теперь Ворону оставалось только надеяться, что чеченки пройдут мимо. Не дойдя до сарая каких-нибудь пятидесяти метров, они действительно свернули с дороги на идущую вдоль рощи тропинку и стали удаляться от пилорамы. Ворон расслабленно выдохнул. Еще через полчаса ему вновь пришлось поволноваться, когда в поле зрения появился одинокий пастух, гнавший перед собой стайку коз. Но пастух со своими козами прошел в двухстах метрах от сарая и скрылся на ведущей к Старым Атагам дороге. Ворон даже не сумел его как

следует рассмотреть и лишь заметил, что чабан был в солдатской плащ-палатке и неизменной папахе.

Из-за низких туч стемнело раньше обычного. А к шести часам тьма сгустилась настолько, что уже в нескольких метрах от сарая ничего невозможно стало разглядеть, и Ворон остро пожалел, что не захватил с собой прибор ночного видения. Оставалось только полагаться на собственный слух, но сколько он ни вслушивался в тишину, так и не смог уловить снаружи ни одного звука. Стоя у щели в стене, из которой ощутимо тянуло сквозняком, он то и дело смотрел на флуоресцирующий циферблат своих «Командирских» часов. Агент явно опаздывал. И хотя это было обычным делом, его отсутствие все сильнее беспокоило вымпеловца.

Неожиданно со стороны входных ворот звякнула цепь. Ворон мгновенно сдернул с плеча автомат и бесшумно распластался на земле, направив оружие в сторону входа. Створки открылись, и внутрь сарая проскользнул человек, после чего ворота сразу закрылись.

– Эй, – негромко позвал вошедший. – Кто здесь?

Ворон узнал голос Равшана.

– Ворон, – ответил он, обозначив свое местонахождение. – Здравствуй, Равшан.

Равшан, невысокий и угловатый из-за худобы чеченский парнишка, осторожно двинулся вперед. Ворон поспешно поднялся на ноги и протянул ему руку.

– Здравствуй, – парень радостно обхватил двумя руками его ладонь и облегченно перевел дыхание.

Он тоже рисковал, идя на встречу. И гораздо больше вымпеловца. Так как, попав в засаду, устроенную басаевскими боевиками, имел куда меньше шансов вырваться из нее.

– Как дела? – весело обратился Ворон к агенту, чтобы приободрить его.

– Нормально, – односложно ответил тот.

– А чего такой худой? Ешь мало?

Но Равшан не был настроен на шуточный тон и сразу перешел к делу:

– Я вел двух человек Хромого. Вчера вечером мы расстались. Я должен был провести их в Шали, но они ушли раньше. Сказали, что пойдут дальше одни, без проводника. Думаю, они направились не в Шали, а в Сержень-Юрт.

Ворон мгновенно стал серьезен. Псевдонимом «Хромой» в оперативных донесениях именовался Шамиль Басаев, получивший свое прозвище из-за искалеченной взрывом ноги. Все агентурные сообщения, касающиеся планов главаря чеченских боевиков, подлежали особому учету и заслуживали самого пристального внимания.

– Что за люди?

– Бойцы из личного отряда Хромого...

Ворон уже привык к тому, что Равшан никогда не говорил «боевики», заменяя этот термин более мужественным, с его точки зрения, словом «бойцы». Нередко из его уст звучало и презрительное определение «бандиты», кем, по мнению Равшана, являлись мародеры, грабители и убийцы мирных чеченцев.

– Я их не знаю, – между тем продолжал он. – Увидел впервые. Оба настоящие волки. И воюют давно. Наверное, еще с прошлой войны. Как я понял из их разговоров, Хромой послал их куда-то на север России, чтобы они встретили освобождающегося из тюрьмы близкого друга Хромого, которым тот очень дорожит, и помогли ему возвратиться в Чечню.

Слова Равшана заставили Ворона задуматься. «Прежде за Басаевым не отмечалось проявлений сентиментальности. Еще более невероятно, что его вдруг обуяли дружеские чувства. Это злобы и ненависти в нем сколько угодно. Скорее всего, Басаев имеет на освобождающегося из заключения человека определенные виды. А раз послал двух человек встретить его и сопроводить в Чечню, значит, этот человек нужен ему позарез».

– Что это за человек, не знаешь?

Равшан отрицательно покачал головой:

– Люди Хромого в разговоре между собой упоминали только его имя: Гамид.

«Гамид... Уж не о Гамиде Гамадове ли идет речь?! Этот зверь еще кровожаднее Басаева. И жертв на его счету не меньше, чем у лидера чеченских бандитов. Гамадов не стал такой же одиозной фигурой, как Басаев, Радуев или Гелаев, только благодаря тому, что в декабре 99-го его наконец удалось задержать».

– Ты не ошибаешься? Может быть, они называли другое имя, например, Хамид? – на всякий случай уточнил Ворон.

Но Равшан стоял на своем:

– Нет, именно Гамид. Они называли это имя несколько раз. Я хорошо запомнил.

«Неужели все-таки Гамадов? Но как он может освобождаться, ведь его срок еще не закончился?»

– Молодец, – похвалил Ворон агента и спросил: – А как выглядели посланцы Хромого, которые отправились за этим Гамидом?

– На вид обоим тридцать – тридцать пять лет. Среднего роста, крепкие, плечистые... – начал описывать внешность басаевских боевиков Равшан.

Ворон внимательно слушал его, старательно запоминая каждую деталь. О том, чтобы пригласить агента в Ханкалу, на временную базу «Вымпела», для составления композиционных портретов посланцев Басаева, не могло быть и речи. Именно поэтому в свое время Ворон долго бился с Равшаном, обучая агента составлять точные и емкие описания. Его уроки не прошли даром. Теперь, даже встретив незнакомого человека, Равшан мог полно и безошибочно описать его.

Выслушав агента до конца, Ворон еще раз поблагодарил его за наблюдательность, после чего вынул из-за пазухи перехваченную резинкой тонкую пачку российских рублей и протянул ему:

– Держи.

Тот промолчал, но к деньгам не притронулся. Гордому и самолюбивому чеченскому пареньку было невыносимо тяжело ощущать себя платным осведомителем. Но Ворону были хорошо известны мотивы, по которым Равшан вступил в отряд боевиков, и он сказал:

– У тебя дома мать с двумя детьми и отец-инвалид. Ты должен им помогать. И это честные деньги. Ты зарабатываешь их, принося пользу прежде всего своему народу, который бандиты, вроде Хромого, довели до состояния полной нищеты.

Равшан поднял голову и пристально взглянул в глаза российскому офицеру:

– Ты действительно так считаешь?

– Разумеется, – искренне ответил Ворон. – Разве я хоть раз обманул тебя?

И тут произошло невероятное. Впервые с момента их знакомства Равшан улыбнулся – краешки его губ на какое-то мгновение приподнялись вверх – и взял деньги. Ворон улыбнулся ему в ответ и с болью в сердце подумал о том, сколько еще должно пройти времени, чтобы чеченские мальчишки вновь научились беззаботно и радостно улыбаться.

– Будь осторожен, – сказал он пареньку на прощание.

– Я всегда осторожен, – с юношеским максимализмом ответил ему Равшан и бесшумно выскользнул из сарая. Лишь цепь на воротах тихо звякнула еще раз.

Ворон вновь припал к щели меж досок, но не услышал удаляющихся шагов, не увидел промелькнувшего в темноте силуэта. Часы показывали девятнадцать ноль шесть. Их разговор продолжался чуть более десяти минут. Выждав еще полчаса – за это время Равшан мог дважды дойти до села, – Ворон вслед за ним выбрался из сарая. Протискиваясь в ворота, он придержал цепь рукой, чтобы она не звякнула. Этого звука удалось избежать, зато скрипнула одна из створок, и Ворон дал себе зарок, что к следующей встрече с агентом тщательно смажет петли ворот.

* * *

За время, проведенное в сарае, глаза Ворона настолько привыкли к темноте, что, выбравшись наружу, он без труда разглядел и ведущую к Старым Атагам дорогу, по которой должен был вернуться в село Равшан, и темнеющую вдалеке опушку леса, куда лежал его собственный путь. Вокруг по-прежнему не было ни души. Удостоверившись в этом, он быстрой перебежкой пересек открытое пространство, отделяющее пилораму от леса, и нырнул под прикрытие деревьев. Оставалось последнее – выбраться на дорогу, откуда уже менее чем через полчаса его должны были забрать возвращающиеся в Ханкалу пограничники. Ворон вновь повесил автомат на плечо и, сориентировавшись по компасу, зашагал вперед.

Идти в темноте по лесу для бывшего пограничника было делом привычным. Ворон бодро шагал среди деревьев, оберегая лицо от сучьев и отводя руками особенно мешающие ветви, но делал это чисто автоматически, в то время как мозг продолжал анализировать слова Равшана. «За кем же из бывших поделщиков послал Басаев своих людей? Неужели, называя имя Гамид, басаевские боевики имели в виду Гамида Гамадова?»

Ворон вспомнил, как после ареста Гамадова, в двухтысячном году, изучал его биографию, стараясь понять, что связывало этого высокообразованного и безусловно одаренного человека с пресловутым Шамилем Басаевым и другими кровавыми лидерами чеченских боевиков. Увы, связь оказалась прозаически проста. Гамадова и Басаева объединили самые низменные страсти: неумная жажда богатства и безграничной власти. Ради власти и денег дудаевы, басаевы и гамадовы ввергли свою республику в пучину хаоса, поставив собственный народ на грань нищеты. По своей сути бывший выпускник Московского химико-технологического института Гамид Гамадов оказался таким же алчным бандитом, как объявивший себя верховным военным эмиром Ичкерии Басаев и другие одиозные лидеры боевиков. После того, что узнал Ворон о Гамадове, обобщив материалы его оперативно-розыскного дела, этот боевик не вызывал у него ничего, кроме ненависти и презрения. И когда Ворон сдавал его дело в архив, то надеялся, что никогда больше не услышит о Гамиде Гамадове. Но, похоже, судьба распорядилась иначе. Не прошло и трех лет, как его имя вновь прозвучало в агентурном сообщении, и опять вместе с именем Шамиля Басаева.

Ворон напряг память, стараясь вспомнить, что ему было известно об этом чеченском террористе. «Гамадов попал в поле зрения наших спецслужб после террористического рейда Басаева на город Буденновск в июле 95-го года, когда выяснилось, что все взрывные устройства, которые установили боевики в Буденновской горбольнице и в автобусах с заложниками, были его конструкции. Откровением для экспертов-взрывотехников стало и то, что в канистрах, которыми боевики начинили автобусы, перевозившие заложников, оказался не бензин, а особая горючая смесь, наподобие напалма, произведенная по рецепту Гамадова. Эти данные послужили основанием для включения Гамадова в список наиболее опасных чеченских террористов и объявления его в федеральный розыск. Уже первые сведения о Гамадове ошеломили розыскников. Как удалось выяснить ведущим его розыск оперативникам, Гамадов закончил Московский химико-технологический институт, где специализировался на разработке взрывчатых веществ. А его дипломная работа, где он исследовал способы повышения мощности объемного взрыва, даже заняла призовое место на конкурсе институтских дипломных работ. Правда, по настоянию родственников, прежде всего отца, после окончания МХТИ Гамадов возвратился в Чечню, где работал на грозненском нефтеперегонном заводе в отделе сбыта. После прихода к власти Дудаева активно поддержал его режим, за что и был приближен к себе генералом-диктатором. После его смерти примкнул к Басаеву. По другим сведениям, лидер чеченских ваххабитов сам переманил к себе Гамадова, чтобы использовать его знания в дивер-

сионно-террористической войне. Так или иначе «чеченский волк с русским хвостом»¹ и химик-взрывник нашли друг друга. Доподлинно неизвестно, чем занимался Гамадов в отряде Басаева, но, очевидно, преуспел в минно-взрывном деле, раз Басаев поручил своему новому фавориту минирование Буденновской горбольницы и автобусов, на которых террористы вывозили из города заложников. С 95-го по 96-й год Гамадов принимал непосредственное участие в организации и проведении еще нескольких терактов против федеральных сил на территории Чечни и соседнего Дагестана. После вывода российских войск из Чечни, в период с 96-го по 99-й год, Гамадов, действуя под «крышей» Басаева, фактически захватил восстановленный федеральными властями нефтепровод Баку – Грозный – Новороссийск. Используя басаевских боевиков и превращенных в рабов заложников, он откачивал через многочисленные несанкционированные врезки перекачиваемую по трубопроводу нефть и затем перерабатывал ее на собственных перегонных мини-заводах. За три года полной анархии бандиты окончательно утратили чувство реальности. Бездна, с какой им удавалось похищать нефть, подвигла Басаева и Гамадова на новые захваты. И в августе 99-го года вооруженные отряды Басаева, оснащенные на деньги, полученные в том числе с самочинного нефтепромысла Гамадова, вторглись в Дагестан. Когда же лидерам боевиков стало окончательно ясно, что ни ваххабизмом, ни силой оружия взорвать соседнюю кавказскую республику не удастся, Басаев организует серию крупномасштабных терактов в российских городах. И на этот раз вновь не обошлось без Гамадова. По оперативным данным, именно Гамадов составил пропорции сыпучей смеси из тротила и гексогена, при помощи которой террористы взорвали жилые дома в Москве и Волгодонске, и лично руководил ее производством. Этого зверя нужно было взять как можно быстрее, пока на его счету не появились новые жертвы. Такая возможность появилась с вводом группировки федеральных сил в Чечню осенью 99-го года...

Стоило Ворону в своих воспоминаниях подойти к 99-му году, как его мысли непроизвольно переключились на самого себя. Именно в этом году он перешел из пограничного спецназа на службу в спецподразделение ФСБ. Когда мириться и дальше с существованием на территории России очага бандитизма и международного терроризма стало просто невозможно и вопрос о наведении конституционного порядка в Чечне встал ребром, кадровики Федеральной службы безопасности провели среди сотрудников различных силовых структур отбор бойцов для вновь восстановленного в структуре ФСБ антитеррористического подразделения «Вымпел». Среди прочих, получивших предложение перейти на службу в легендарное подразделение госбезопасности, оказался и лейтенант Воронин, командир оперативно-поисковой группы Пянджского погранотряда.

Свою первую командировку в Чечню в декабре 99-го года Ворон помнил так, словно лишь накануне вернулся из нее... «Вымпел» перебросили в Чечню после того, как армейские подразделения блокировали Грозный. Боевой задачей вымпеловцев был захват или уничтожение главарей чеченских бандформирований. Таким образом командование федеральных сил рассчитывало дезорганизовать находящиеся в городе отряды боевиков и нарушить взаимодействие между ними. Всего же в чеченской столице на тот момент, по различным оценкам, оставалось от двух до пяти тысяч бандитов. По данным разведки, боевики активно готовились к уличным боям, рассчитывая повторить сценарий прошлой войны, когда в боях за Грозный погибло около полутора тысяч российских солдат и еще более пяти тысяч получили ранения. Боевики возвели в городе целую систему фортификационных сооружений и установили на дорогах и в домах тысячи фугасов и всевозможных мин-ловушек. Как стало известно коман-

¹ Называя Басаева «чеченским волком с русским хвостом», Воронин имеет в виду его родовые корни. Басаев родом из селения Дышне-Ведено. Этот аул во время Кавказской войны, в 1840 году, основали русские дезертиры и перебежчики, добровольно переметнувшиеся к врагу. После принятия ислама предатели с особым остервенением воевали против своих бывших товарищей по оружию. Но до сих пор коренные жители Чечни насмешливо называют уроженцев Дышне-Ведено «чеченцами с русскими хвостами».

дованию федеральных сил, минированием города руководил некий человек, разъезжающий на джипе под охраной шести вооруженных автоматами телохранителей. Начальник оперативного отдела «Вымпела» полковник Бондарев уже тогда предположил, что этим человеком является Гамадов. Из всех известных лидеров чеченских боевиков он один обладал для этого необходимыми знаниями. Несколько наиболее отчаянных офицеров «Вымпела» предложили выкрасть Гамадова прямо из города, чтобы получить от него точный план минных полей и схемы расположения фугасов и мин-ловушек. Но, не имея точных данных о местонахождении Гамадова в чеченской столице, полковник Бондарев счел такой план слишком рискованным и отверг эту идею. Впоследствии командование группировки федеральных сил вообще отказалось от лобового штурма Грозного, к отражению которого упорно готовились боевики. Вместо этого их главарям была предоставлена дезинформация, и в результате удалось выманить отряды боевиков из чеченской столицы и направить на минные поля. Ворон до сих пор не переставал восхищаться мастерством оперативников, проводивших ту знаменитую операцию, в результате которой удалось уничтожить более полутора тысяч боевиков и спасти тысячи российских солдат.

Однако ни Басаева, ни Гамадова среди нашедших свою смерть на минных полях бандитов не оказалось. В их розыск, как и в розыск других главарей чеченских боевиков, активно включились бойцы «Вымпела» и в их числе Кирилл Воронин. «Басаев еще до окончательного окружения Грозного нашими войсками покинул чеченскую столицу. А вот Гамадов, не имевший такой возможности, решил пересидеть опасный момент в городе и выбраться из Грозного, когда оцепление будет снято. Видимо, чутье или что-то другое подсказало басаевскому взрывнику, что покинувшие город отряды боевиков попадут в ловушку. Хотя он и не знал о минных полях на пути бандитов, но каким-то образом почувствовал опасность. Несколько дней Гамадов скрывался по подвалам, а затем, раздобыв где-то ветхую одежду, под видом беженца попытался выбраться из города. И у него наверняка все бы получилось, если бы на одном из контрольно-пропускных постов его не обнаружил мой бывший командир майор Уткин, возглавляющий оперативно-поисковую группу, в состав которой входил и я».

Ворон отчетливо вспомнил промозглый февральский день, оседающий на одежде и залепляющий лицо мокрый снег и бредущие по дороге отдельные группки беженцев. «На КПП нас было трое: майор Уткин, бывший старлей-армеец, пришедший в «Вымпел» одновременно со мной, и я. Из розыскной ориентировки о Гамадове мы знали, что, еще учась в институте, он серьезно увлекался карате. Позже в учебных лагерях Басаева и Хаттаба прошел курс рукопашного боя и специальной диверсионной подготовки, что делало его особо опасным противником при задержании. Мы наизусть знали его словесный портрет и особые приметы. И тем не менее мы с моим старлеем-напарником, проверяя выходящих из города беженцев, его пропустили. В том человеке, встретившемся нам на КПП, не было ровным счетом ничего от подрывника Гамадова. Осунувшееся лицо, спутанные волосы, обвисшие плечи, морщинистые руки с обломанными грязными ногтями, под которые набилась земля, хромота! И главное – затравленный взгляд побитой собаки. Этот жалкий человек вызывал только сочувствие и уж совсем не напоминал объявленного в федеральный розыск опаснейшего чеченского террориста. И тем не менее Уткин опознал его.

Позже он рассказал мне, что сначала обратил внимание на белые, без единой червоточины, зубы мужчины, который, по его собственным словам, уже несколько месяцев жил в подвалах, все это время ел что придется, а пил одну канализационную воду. Отметив первое несоответствие, Уткин обнаружил и другие подозрительные странности. Так, проверяемый человек намеренно морщил лоб, «гася» свой взгляд, а его одежда явно не соответствовала ему по размеру. После сделанных наблюдений наш командир уже беспристрастно «прогнал» словесный портрет подозрительного беженца по известным нам ориентировкам и сразу определил его подлинную личность. Продолжая разговаривать с мнимым беженцем, он подал нам знак, и

мы сейчас же скрутили чеченскому террористу руки. Задержание стало для Гамадова полной неожиданностью. Он, однако, не ожидал от нас ничего подобного и просто не успел оказать сопротивление. Во время следствия Гамадов еще долго изображал из себя безвинно арестованного беженца, но, избитый свидетельскими показаниями других задержанных боевиков, в конце концов признал свою личность. Мы были уверены, что на кровавом пути этого террориста поставлена точка и остаток своих дней он проведет за решеткой. Однако жизнь показала, что мы жестоко ошиблись. На суде так и не удалось доказать руководящую роль Гамадова в устроенных чеченскими боевиками терактах, жертвы которых исчислялись сотнями человек. Все, что удалось инкриминировать главному басаевскому подрывнику, – это его связь с боевиками. Даже его участие в террористическом рейде на Буденновск осталось недоказанным. В результате Гамадов получил пять лет исправительно-трудовых работ в колонии общего режима. Вынесенный бандиту и убийце приговор выглядел насмешкой над правосудием и настоящим оскорблением памяти людей, которые погибли в Буденновской горбольнице и под развалинами взорванных террористами домов в Москве и Волгодонске. Когда я узнал о вынесенном Гамадову приговоре, то пришел к командиру и прямо спросил его, что он думает о случившемся. Уткин долго смотрел мне в глаза, а потом ответил, что больше всего жалеет о том, что в момент задержания не переломил Гамадову шейный позвонок, а помолчав, добавил, что, если судьба сведет их еще раз, он именно так и сделает. Но судьба распорядилась иначе. Мой бывший командир майор Уткин погиб в марте этого года при освобождении захваченного террористами атомного ледокола, а чеченский подрывник и убийца Гамид Гамадов, погубивший сотни людей, жив и здоров и скоро, возможно, вновь окажется на свободе. Мне уже неоднократно доводилось слышать о том, что убийцы чрезвычайно живучи, потому что впитывают в себя жизни своих жертв. Если допустить, что это так, то кровавый след Гамадова – наглядное тому доказательство».

Размышляя таким образом, Ворон выбрался из рощи и, подойдя к дороге, улегся за обочиной на мокрую от дождя и вечерней росы траву. На этот раз ему повезло и долго лежать в сырости не пришлось. Уже через десять минут вдали показались огни приближающегося автомобиля. Определив по расположению фар, что по дороге едет «уазик», Ворон поднялся с земли и вышел на дорогу, чтобы едущие в машине люди смогли его рассмотреть. На всякий случай он взял автомат в руки и снял оружие с предохранителя, готовый в любой момент отпрыгнуть за обочину и открыть ответный огонь.

«УАЗ» остановился в десяти метрах от него. Оттуда выглянул уже знакомый Ворону офицер-пограничник и призывно махнул рукой. Свои. Не теряя времени, Ворон забрался в машину. Как только он захлопнул за собой дверцу и машина тронулась, старлей взволнованно спросил:

– Ну как? Все в порядке?

Пограничники не знали ни цели задания, ни даже должности и звания офицера, которого они подвозили. Отправляясь на встречу с агентом, Ворон выбрал их машину только потому, что она оказалась попутной, и договорился со старшим лейтенантом, что они высадут его возле Старых Атагов, а спустя четыре часа заберут на том же месте. Пограничники не собирались задерживаться в Шали до темноты, рассчитывая засветло вернуться в Ханкалу. Но Ворон попросил старшего лейтенанта отложить возвращение на базу на два часа, и тот согласился, хотя и понимал, что езда в темноте значительно опаснее. Пограничники в точности выполнили свою задачу, и, конечно, им важно было знать, что сделанная ими двухчасовая задержка оказалась не напрасной. Ворон их отлично понимал, поэтому утвердительно кивнул головой и ответил:

– Спасибо, парни. Все в порядке.

Он очень хотел выглядеть убедительным. Но голос предательски дрогнул. И мрачное выражение лица он, как ни старался, изменить не смог.

* * *

Чтобы не нервировать караульных, водитель «УАЗа» перед КПП до предела сбросил скорость, хотя уложенные поперек дороги бетонные блоки позволяли легковой машине ехать и быстрее. Такая предосторожность оказалась совсем не лишней. Проследив за движением ствола установленного на КПП крупнокалиберного пулемета, повернувшегося вслед за подъехавшим «УАЗом», находящиеся в машине офицеры – старший лейтенант-пограничник и капитан Воронин мысленно похвалили водителя за его предусмотрительность. Если бойцам пулеметного расчета что-либо покажется подозрительным, или у них просто не выдержат нервы, и они откроют огонь, то не помогут ни наклеенный на лобовое стекло спецпропуск, ни имеющийся у водителя путевой лист, ни командировочное предписание старшего лейтенанта. Потому что за считанные секунды бронебойные пули крупнокалиберного «утеса» превратят в дуршлаг машину и всех находящихся в ней людей.

Объехав последний из бетонных блоков, водитель остановил машину перед опущенным металлическим шлагбаумом, за которым находились пока еще закрытые въездные ворота, и, как требовала надпись на приваренном к шлагбауму железном листе, заглушил двигатель. Спустя несколько секунд из-за сложенного из бетонных блоков бруствера вышли трое военных в армейской камуфляжной форме. В темноте Ворон не разглядел их званий, но предположил, что это дежурный по КПП или его помощник с двумя караульными. Все трое были вооружены автоматами. Но оружие держали в руках только караульные. Их старший повесил свой автомат на плечо, а в руке нес мощный электрический фонарь. Этим фонарем он осветил лобовое стекло «УАЗа» и, лишь убедившись в наличии специального пропуска, приблизился к машине. Караульные остались на прежних местах, продолжая держать «УАЗ» под прицелом своих автоматов. Старший караульных оказался молодым лейтенантом, но цепкий внимательный взгляд офицера указывал на его немалый опыт. Ворон и старший лейтенант-пограничник протянули ему свои командировочные удостоверения. Но лейтенант прежде заглянул в машину и, только убедившись, что там нет посторонних, взялся за изучение документов. Он быстро, но в то же время внимательно просмотрел оба командировочных предписания, задал стандартный вопрос о маршруте следования и, получив на него такой же стандартный ответ, дал отмашку своим подчиненным. Остававшиеся за бетонным бруствером караульные ослабили веревку, и перегораживающая дорогу стрела шлагбаума взлетела вверх. В то же время со стороны КПП раздался звук включившегося электромотора, и железная створка въездных ворот поползла в сторону. Последними ушли с дороги автоматчики, и «УАЗ» въехал на территорию военной базы.

Когда машина миновала въездные ворота, старший лейтенант одобрительно кивнул головой и заметил:

– Качественная проверка. Одно не могу понять: почему же на остальных блокпостах сплошной бардак?!

Ворон в ответ грустно усмехнулся. Не так давно он возвращался на базу вместе с рейдовой группой армейского спецназа. Вымотавшиеся до предела за время рейда бойцы, наоборот, недовольно ворчали во время затянувшейся на КПП процедуры проверки. Хотя им-то как раз должно быть известно, чем может обернуться любая небрежность. Но вопреки изобилующим трагическими примерами наставлениям должностные инструкции караульными блокпостов соблюдаются далеко не всегда. А одно нарушение, как правило, тянет за собой другое, и в результате – непрекращающиеся обстрелы блокпостов, новые взрывы и трупы погибших солдат и мирных жителей.

– Тебя куда? – вывел Ворона из задумчивости вопрос старшего лейтенанта.

– К штабу, – поспешно ответил тот.

Рабочий кабинет начальника оперативного отдела «Вымпела» полковника Бондарева располагался вовсе не в штабе, а на ханкалинском военном аэродроме в здании отдела военной контрразведки. Но, чтобы не раскрывать перед пограничниками свою принадлежность к спецподразделению госбезопасности, Ворон попросил высадить его возле штаба части, откуда до аэродрома нужно было пройти еще около километра.

Расставшись с пограничниками, Ворон подождал, когда их машина скроется из вида, после чего бодро зашагал к аэродрому. Как и рассчитывал, Бондарева он застал в кабинете. Полковник сидел за обшарпанным письменным столом и размышлял, уставившись в раскрытую бумажную папку с материалами очередного оперативного дела.

Всю обстановку кабинета составляли два стола, поставленные буквой Т, несколько стульев, прикрученная к стене вешалка и массивный металлический шкаф, установленный в кабинете по приказу Бондарева. В этом шкафу, используемом в качестве сейфа, Бондарев хранил все добываемые сотрудниками оперативные материалы, свое личное оружие и привезенный в Чечню с базы «Вымпела» портативный компьютер, которым, в отличие от командиров большинства воинских подразделений, активно и часто пользовался.

При появлении Воронина Бондарев сейчас же закрыл папку и, отодвинув ее на край стола, поднялся навстречу капитану. Вместо приветствия он протянул Воронину свою крепкую мускулистую руку и, заметив промокшую одежду капитана, спросил:

– Замерз?

– Не успел, Петр Валентинович. Только прилег, как пограничники приехали. Пришлось вставать, – отшутился Ворон.

Бондарев понимающе кивнул и сразу перешел к делу:

– Бросай бушлат на батарею и рассказывай.

Ворон послушно снял с себя жилет боевой разгрузки и армейский бушлат и, кое-как пристроив бушлат на крохотной батарее под окном, сел к столу.

– Встреча прошла вполне штатно, – начал он. – Стриж у боевиков вне подозрений. Правда, Хромой не приблизил его к себе, а продолжает использовать в качестве проводника мелких диверсионных групп. Как раз накануне Стриж вел двух боевиков Хромого, с которыми расстался в Шалинском районе, недалеко от Сержень-Юрта. По словам Стрижа, Хромой поручил этим боевикам встретить своего друга, который на днях освобождается из мест заключения, и сопроводить его в Чечню.

– Гм, интересно, – покачал головой Бондарев. – Что-нибудь конкретное об этом «друге» известно?

– То, что он отбывает наказание где-то на севере России, – ответил Ворон и поспешил уточнить: – Но это может быть и не так из-за субъективности оценки. Для Стрижа все, что находится за Терским хребтом, уже север. Зато точно известно имя этого «друга». – Ворон выдержал паузу и произнес: – Гамид.

Глаза Бондарева настороженно вспыхнули.

– Полагаешь, это Гамадов? – даже не пытаясь скрыть охватившее его волнение, спросил он и, так как Воронин продолжал молчать, сам же и ответил на свой вопрос: – Ну, это мы выясним.

Ворон знал, что к чеченским бандитам, напавшим на Буденновск и захватившим городскую больницу, у Бондарева особый счет.

В год буденновской трагедии бывшее спецподразделение внешней разведки входило в структуру МВД. Многие сотрудники «Вымпела» посчитали перевод в Министерство внутренних дел унижением для себя и ушли из отряда. В отличие от них Бондарев не изменил родному подразделению и остался в отряде. Он и другие ветераны сделали все, чтобы сохранить знаменитое некогда подразделение. Благодаря их усилиям «Вымпел» выжил. И когда отряд вновь вошел в систему государственной безопасности как Управление «В» Центра спецопера-

ций ФСБ России, полковник Бондарев возглавил его оперативный отдел. Но в 95-м он был еще майором и в составе десантно-штурмовой группы участвовал в штурме Буденновской горбольницы, где укрылись напавшие на город боевики. Чтобы добраться до больничного корпуса, вымпеловцам необходимо было преодолеть сто пятьдесят метров совершенно открытого пространства, полностью простреливаемого боевиками. Бондарев и другие ветераны «Вымпела» понимали, что задача практически невыполнима, и все же они пошли на штурм. Пошли под кинжальным огнем превосходящих их по численности боевиков, бьющих по атакующим из крупнокалиберных пулеметов, гранатометов и автоматов. Атака «Вымпела» захлебнулась. И тем не менее спецназовцы выполнили свою задачу. Сковав силы боевиков и вызвав их огонь на себя, они позволили группе «Альфа», атакующей с противоположной стороны, ворваться в больничный корпус и занять первый этаж. Но из-за нерешительной позиции политического и военного руководства операцией «Альфа» получила приказ отступить. Операция по освобождению Буденновской горбольницы провалилась. Жертвы вымпеловцев оказались напрасны. В том кровавом и бессмысленном бою Бондарев потерял четырех своих друзей, и этот счет к убиавшим их боевикам до сих пор остался не оплачен. Спустя несколько дней после проваленной операции по освобождению Буденновской горбольницы бандиты, расстреливавшие спецназовцев и избивавшие больных стариков и беременных женщин, под прикрытием вывезенных из города заложников возвратились в Чечню. Они мнили себя национальными героями Ичкерии. Но нынешний командир «Вымпела» генерал Углов, начальник оперативного отдела полковник Бондарев, старший оперативно-боевой группы капитан Воронин и прочие бойцы спецподразделения считали иначе.

– Кем бы ни оказался этот «друг», заботу о нем Хромой проявил отнюдь не из-за приятельских отношений, – заметил Ворон.

– Это точно, – согласился с ним Бондарев и, немного помолчав, добавил: – Гамадов первоклассный подрывник, а Хромому как раз нужны подрывники. И, приказав своим боевикам «проводить друга» в Чечню, он, разумеется, имел в виду свой отряд. А это уже реальный шанс выйти на логово Хромого.

При последних словах Бондарева Ворон подался вперед:

– Петр Валентинович, разрешите мне проследить за ними?! Поверьте, я их не упущу!

Бондарев в ответ отечески улыбнулся:

– Одному тебе не справиться. Но с твоим напарником определимся позже. Сначала нужно выяснить, куда и за кем отправились боевики Хромого.

3. ВОПРОСЫ

Министерство юстиции РФ

Главное управление исполнения наказаний...

Прошу вас в срочном порядке сообщить известные вам сведения об отбывающем наказание Гамадове Гамиде 1970 года рождения, уроженце города Грозный Чеченской республики, осужденном в 2000 году Махачкалинским городским судом к пяти годам лишения свободы. Как то: место отбытия наказания; фактический оставшийся срок заключения; отношения с администрацией и заключенными; связи с родственниками и прочими лицами, находящимися на свободе.

Начальник Управления «В»

Департамента по борьбе с терроризмом ФСБ РФ
генерал-майор Углов.

Начальнику Управления «В»

Департамента по борьбе с терроризмом ФСБ РФ
генерал-майору Углову.

Гамадов Гамид 1970 г.р., осужденный в 2000 году Махачкалинским городским судом республики Дагестан по статьям... к пяти годам лишения свободы, отбывает наказание в ИТК № 9 Пермской области. Как лицо, не совершившее тяжких и особо тяжких преступлений и отбывшее более половины срока заключения, Гамадов попадает под положения амнистии от 19.11.2003 г. и должен быть освобожден из мест заключения до конца 2003 года. Запрос в отношении других интересующих вас сведений направлен администрации ИТК № 9, по месту отбытия наказания заключенным Гамадовым.

Начальник управления ГУИН

Министерства юстиции РФ...

Начальнику Управления ФСБ

Пермской области...

По подтвердившимся оперативным данным, из ИТК № 9, расположенной на территории Пермской области, в ближайшие дни будет освобожден по амнистии особо опасный чеченский боевик Гамид Гамадов, тесно связанный с полевым командиром и международным террористом Шамилем Басаевым. Для встречи освобождающегося сообщника Басаевым направлены в Пермскую область двое боевиков, которым поручено организовать переправку Гамадова в Чечню и сопровождать его на пути следования. В связи с чем прошу вас организовать негласное наблюдение за Гамадовым и сопровождающими его боевиками. Сведения о перемещении Гамадова и его контактах имеют крайне важное значение для проводящейся на территории Чечни контртеррористической операции.

Начальник Управления «В»

Центра спецопераций ФСБ РФ
генерал-майор Углов.

ИТК № 9, Пермская область

26 ноября, 17.15

– Так кто, говоришь, тебя интересует? – Майор Карнаухов, начальник оперчасти ИТК номер девять, повернулся к своему служебному сейфу с оперативными материалами на отбывающих наказание заключенных.

– Гамадов Гамид, – неспешно ответил сидящий напротив его стола невысокий лысоватый мужчина в темно-сером костюме, светлой рубашке с помятым воротником и таком же, как и костюм, скромном сером галстуке.

Безликая внешность и невыразительная одежда выдавали в нем комитетчика, кем он и являлся вот уже почти двадцать лет. И хотя прошлые требования, предписывающие сотрудникам госбезопасности носить темные костюмы со светлой рубашкой и галстуком, давно канули в Лету, старший оперуполномоченный управления ФСБ Пермской области майор Мельников одевался так, как привык в ту пору, когда эти требования еще жестко выполнялись. К тому же костюм и галстук, по мнению Мельникова, придавали его не отличающейся атлетизмом фигуре больше солидности. Подобного мнения придерживался и майор Карнаухов, хотя в отличие от своего коллеги из ФСБ в служебное время не имел возможности сменить форму на гражданский костюм. И тот и другой имели многолетний опыт оперативной работы, а схожее занятие и связанные с ним родственные проблемы определяют похожие привычки и аналогичные взгляды на жизнь.

Карнаухов и Мельников знали друг друга уже без малого шесть лет. В девяносто восьмом году оперативная разработка, которую осуществляли пермские чекисты, привела Мельникова в исправительно-трудовую колонию, где он и познакомился с сотрудником оперчасти капитаном Карнауховым. За пять последующих лет разница между уголовными и государственными преступниками стерлась окончательно, и Мельников еще неоднократно посещал исправительно-трудовую колонию номер девять. За это время Карнаухов дослужился до майора и занял подполковничью должность начальника оперчасти колонии. А Мельников остался тем же старшим опером, поэтому продолжал служить в прежнем звании. Приятелями, а тем более друзьями, они не стали, однако за время общения перешли на «ты», что, естественно, способствовало более доверительным и откровенным отношениям между оперативниками.

– Гамадов, Гамадов, – повторил вслед за Мельниковым Карнаухов и, покопавшись внутри своего сейфа, вытащил оттуда одну из стандартных пожелтевших картонных папок.

Положив папку перед собой и полистав страницы, Карнаухов закрыл ее и, безглаголиво поморщившись, ответил:

– Чушкарь, ничего интересного.

– Кто? – уточнил фээсбэшный оперативник, так и не привыкший к уголовно-блатной терминологии начальника оперчасти.

– Опущенный, – охотно пояснил Карнаухов. – Петух, пассивный гомосексуалист, по здешним меркам низшая и самая презируемая всеми остальными категория заключенных.

– Вот как, – Мельников изумленно округлил глаза. – А по нашим данным, этот Гамадов известный чеченский боевик.

В ответ Карнаухов пренебрежительно махнул рукой, даже не дослушав своего фээсбэшного коллегу:

– Это он у себя в Чечне боевик, а здесь тьфу, – изобразив плевок, оперативник резко выдохнул изо рта воздух. – Не знаешь, что ли, как это делается. Навалились всей кодлой, сначала руки связали, а потом штаны спустили. И вот он уже не матерый боевик, а зоновский петух по кличке Ганя.

– Почему Ганя? – спросил Мельников.

– Эки так прозвали. Им же петухи баб заменяют, они им женские кликухи и придумывают. Вот у меня и рапорт имеется. – Карнаухов выдернул из своей папки лист бумаги и помаhal им в воздухе, но Мельникову не передал. – Гамадова опустили в первый же день, как он

на зону попал, вернее, в первую же ночь. – Начальник оперчасти быстро пробежал глазами извлеченный из папки рапорт и добавил: – Да еще и передние зубы выбили. Значит, не только в задницу, но и в рот драли. Короче, оттрахали твоего чечена во все дырки. В том отряде Ус тогда смотрящим был. Вот он, я тебе скажу, матерый зэчара был. И большой любитель всяких подлянок. Ради одного развлечения мог новичка опустить. И с твоим Гамадовым, я уверен, тоже его работа.

– А сейчас он где? – уточнил Мельников, отметив, что коллега говорит об уголовнике в прошедшем времени. – Вышел?

– Ага, – Карнаухов криво усмехнулся. – На тот свет. Зарезали его на днях прямо в сортире. Ложку в горло забили.

– Кто? – во второй раз изумился Мельников.

– Если бы знать. – Карнаухов недовольно мотнул головой. Нераскрытое убийство в колонии, грозившее стать очередным висяком, резко снижало показатели работы всей оперативной части и майора Карнаухова, как ее руководителя. – Копаем. Есть кое-какие подвижки, – закончил он, чтобы фээсбэшный коллега не усомнился в его оперативных способностях.

– Так, может, это Гамадов ему отомстил? – предположил Мельников.

– Петух авторитетному зэку, смотрящему отряда?! – прищурившись, переспросил Карнаухов. – Не смеши! Такого еще не бывало. Да если бы он просто толкнул или ударил смотрящего, «торпеды» Уса порвали бы его на месте. Зона – это не воля. Здесь субординация соблюдается, как в армии, даже еще строже. Чушкарь может залупаться на чушкаря, мужик на мужика и только вор – на вора. А незадолго до того, как Уса замочили, в четвертый отряд, где он заправлял, с последним этапом пришли двое авторитетных воров, Чума и Трезубец, с такими же, как у прежнего смотрящего, претензиями на лидерство. Обычно в такой ситуации воры договариваются между собой, но порой разбор перерастает в откровенную поножовщину. Думаю, в этот раз именно так и произошло. Не договорившись с Усом, Трезубец и Чума попросту зарезали его.

– И кто теперь в четвертом смотрящим? – поинтересовался Мельников.

– Пока никто, – ответил Карнаухов и объяснил: – Я этих Трезубца и Чуму сразу после убийства Уса в ШИЗО на десять суток закрыл. В отряде каждый день шмоны. Так что пока зэки притихли. Даже шишки из усовской команды хвосты поприжали, выжидают, чем дело обернется. Почти все на новичков думают. Да и я нутром чую: их работа! Вот только удастся ли расколоть, не знаю. Тертые калачи: у Трезубца это уже третья ходка, у Чумы – вторая. Все зонавские законы да и наши возможности назубок знают. – Посчитав, что его последние слова коллега может истолковать как признание собственной несостоятельности, Карнаухов поспешил добавить: – Но я их и без их собственного признания дожду. А будут дальше в несознанку идти, в ШИЗО сгною.

Беспокойство начальника оперчасти было вполне понятно Мельникову. Хотя для этого у того не было никаких оснований. Мельников не собирался вмешиваться в служебные дела своего коллеги и уж тем более подставлять его перед начальством. По большому счету, фээсбэшнику не было дела ни до какого-то Уса, ни до подозреваемых в его убийстве уголовников Чумы и Трезубца. Из всех заключенных исправительно-трудовой колонии номер девять его в данный момент интересовал только один. Поэтому он вновь вернул отклонившийся разговор на интересующую его тему:

– А как ведет себя Гамадов после убийства Уса?

– Да как чушкарь может себя вести? – отмахнулся Карнаухов. – Трясется за свою задницу да считает минуты, оставшиеся до освобождения. Он же послезавтра выходит, – равнодушным тоном сообщил начальник оперчасти крайне важную для Мельникова информацию. – Ты пойми: опущенный – это сломленный и раздавленный человек. Человек, в котором вытравлена

его личность. Даже после освобождения зоновский петух все равно остается петухом. Прежним человеком он уже никогда не станет, – авторитетно закончил Карнаухов.

Мельников задумался. Если начальник оперчасти прав – а у Карнаухова большой служебный опыт, и не доверять ему вроде бы нет оснований, – значит, Гамадов морально сломлен и уже не представляет той опасности, какая приписывается ему в пришедшей из Москвы ориентировке. Это уже совершенно другой человек: трусливый и запуганный.

– Дай все-таки на его личное дело взглянуть, – больше для очистки совести попросил у коллеги Мельников.

Карнаухов секунду помялся, но потом все-таки перебрал Мельникову через стол извлеченную из сейфа картонную папку с материалами дела:

– Гляди, если есть такая охота... А то, может, отметим встречу?

Быстро нагнувшись, он вынул из нижнего отделения собственного сейфа пол-литровую бутылку водки и водрузил ее на стол рядом с папкой, которую уже раскрыл Мельников. Вслед за бутылкой на столе появились жестяная банка тушенки и стеклянная банка квашеной капусты под полиэтиленовой крышкой. Манипуляции начальника оперчасти выглядели куда более привлекательно и обещающе, чем хранящиеся в пожелтевшей папке машинописные и рукописные листы. Поэтому, когда Карнаухов выставил на стол два пустых стакана и вопросительно взглянул на своего гостя, Мельников махнул рукой и произнес:

– Наливай!

Пока Карнаухов разливал по стаканам водку, Мельников бросил взгляд на первую страницу раскрытого дела. Подколота к ней черно-белая фотография наголо обритого молодого тощего мужчины с тонкой шеей и затравленным взглядом окончательно убедила его, что «особая опасность», которая приписывалась в ориентировке Гамадову, явно преувеличена.

4. ЧУШКАРЬ

ИТК № 9, Пермская область

28 ноября, 06.00

В эту ночь он почти не спал. Ему казалось, что стоит закрыть глаза, и вся барачная кодла разом набросится на него. В своих угрозах зэки рисовали страшную смерть убийце своего пахана. Особенно упражнялись в изобретательности те, кто числился в гладиаторах Уса и должен был охранять смотрящего. Гамиду казалось, что хотя бы кто-то из зэков непременно заподозрит в убийстве его. Поэтому он заранее продумал свое поведение и нужные для отмазки слова. Он приготовился до конца доиграть роль трусливого чушкаря. Но зэки оказались настолько тупы и ограничены в своем прямолинейном мышлении, что никому из них даже в голову не пришло, что он, Гамид Гамадов, которого они презрительно называли женскими именами, завалил их пахана. Гамид понял это окончательно, когда побудочный звонок вырвал его из тревожного сна. Оказалось, что усталость, вызванная невероятным напряжением последних дней, взяла свое. Под утро он все-таки заснул, но при этом ничего не произошло. Никто не стащил его с койки и не попытался подвесить за яйца или располосовать на ремни, как обещали эти зоновские ублюдки поступить с убийцей Уса. Зэки решили, что смерть смотрящего – дело рук Чумы и Трезубца, вот и тянут с разбором до их возвращения из штрафного изолятора. Чушкарь Ганя остался у них вне подозрений.

Мысленно назвав себя присвоенной ему зэками кличкой, Гамид злобно скривился. Они еще ответят ему за нанесенную обиду. Их пахан уже заплатил за это своей жизнью, и все остальные тоже заплатят. Все заплатят: и эти уголовники, измывавшиеся над ним в течение двух с половиной лет, и судьи с прокурорами, отправившие его на зону, и особенно спецназовцы, скрутившие его на блокпосту в феврале 2000 года. Русские свиньи еще узнают месть Гамида Гамадова. А уж он найдет способ им отомстить. Вот только выйдет на волю.

Гамид осторожно соскользнул с верхней койки, стараясь не задеть одевающегося внизу зэка, но все равно получил от него тычок локтем в бок:

– Куда лезешь, чушкарь? Дай сначала людям одеться.

Гамид промолчал, проглотив очередную обиду. Скоро, скоро все изменится. А чем злее он будет, тем ужаснее окажется его месть. Опустившись на колени, Гамид вытащил свои ботинки, брошенные кем-то под нижнюю койку, и принялся торопливо обуваться. Осталось пережить утреннее построение и завтрак. Развод на работы его уже не касается.

– А ну подбери копыта, чушкарь! Дай людям пройти! – грозно прорычал направляющийся к выходу зэк.

Гамид поспешно отскочил в сторону. Но брошенная в его адрес реплика уже привлекла к нему внимание другого зэка по кличке Скорняк.

– Куда ты, Ганя, так спешишь? На кого нас покидаешь? Как же мы без тебя жить-то будем? – Запрокинув голову, Скорняк притворно завыл, потом вновь взглянул на Гамадова и жалобно попросил: – Может, оставишь адресок, где тебя найти? Мы бы после отсидки заехали, навестили.

Слышавшие слова Скорняка зэки весело заржали. Кто-то из них потрепал Гамида по шее:

– Давай, Ганя, не стесняйся. Шепни адресок.

Эти слова тоже были встречены взрывом хохота.

Гамид втянул голову в плечи и молчал. В другой раз насмешки продолжались бы еще долго, но сейчас зэков подгоняло скорое построение, поэтому они оставили петуха в покое. И Гамадов получил возможность одеться. Натянув зоновскую робу и зашнуровав ботинки, он вслед за остальными заключенными направился в туалет. Здесь пришлось долго ждать, пока освободится «очко», а потом выстоять такую же длинную очередь к раковине, пропуская впе-

ред себя эков, которым запахло стоять вместе с чушкарем. Но проведенные на зоне годы приучили Гамида к ожиданию. Он терпеливо ждал и дождался, не упустил момент, когда Ус остался один, и засадил ему в горло заранее приготовленную заточку. Так и сейчас он дожидается своего часа. А благоприятный момент для мести обязательно представится, и уж он не упустит его.

Утренняя поверка прошла без происшествий. Все заключенные четвертого отряда оказались на месте. И начальник отряда, дочитав список до конца, отправил отряд в столовую. За отдельным столом, где ели опущенные, Гамид похлебал сваренную на воде постную кашу, зажевав ее куском отдававшего тухлятиной селедочного хвоста. Шли последние часы, возможно, даже минуты его пребывания на зоне, приближая долгожданную свободу, которая потребует от него много сил. Помня об этом, Гамид упорно поглощал отвратительно пахнущую пищу. Он понятия не имел, когда удастся поест в следующий раз, и старался хоть на какое-то время утолить постоянно преследующий голод.

Освобождающихся заключенных выпускали с зоны около десяти утра, и сразу после утреннего развода на работы начальник отряда отвел Гамадова на вещевой склад. Кладовщик – вертлявый прапорщик с лицом пройдохи – выбросил перед Гамидом изъеденный молью свитер, мятые брюки и стоптанные ботинки. Свитер оказался явно чужой, а брюки и ботинки, возможно, и те, что были на нем в момент задержания. Но все равно это были жалкие обноски, которые он вынужден был надеть на себя, когда попытался вырваться из занятого русскими Грозного. Злобно покосившись на прапорщика, Гамид начал натягивать на себя вываленную перед ним одежду, годную разве что для сдачи в утиль. Пока он одевался, кладовщик бухнул на стол перед ним лоснящийся на локтях черный стеганный ватник и такую же черную эковскую шапку:

– Распишись в получении.

Гамадов недоуменно пробежал глазами по подsunутой ему кладовщиком бумажке, оказавшейся вещевой ведомостью, где указывалось, что ему в счет зарплаты выданы зимний бушлат и шапка. В этой одежде каждый встречный узнает в нем бывшего эка – еще одна издевка, напоследок припасенная администрацией. Но и отказаться от одежды нельзя. Вот уже неделю по всей области стоит минусовая температура, и без теплых вещей он попросту замерзнет.

На КПП Гамадова и еще четырех освобождающихся эков ждал начальник оперчасти колонии майор Карнаухов. Он вручил освобождающимся их личные документы, основным из которых являлась справка об освобождении, пожал всем четверым руки, после чего даже произнес какие-то слова напутствия. Гамид его почти не слушал. Всеми мыслями он был уже далеко. После короткой речи Карнаухова дежурный по КПП, по приказу майора, распахнул автоматические железные двери, и пятерка бывших заключенных, а с этого момента свободных российских граждан двинулась к выходу.

Гамид, до последнего момента играя отведенную ему эками роль чушкаря, пропустил всех уголовников вперед и последним направился к дверям КПП. Майор Карнаухов проводил презрительным взглядом его худую сутуленную спину с обвисшими плечами. Какой из чушкаря особо опасный боевик? Чудят комитетские. Тем временем Гамид переступил порог КПП, при этом его спина распрямилась, плечи расправились, а взгляд из тусклого сделался быстрым и цепким. Но произошедшего с бывшим чушкарем превращения начальник оперчасти уже не увидел. Захлопнувшаяся за освободившимися заключенными железная дверь КПП заслонила Гамида от Карнаухова.

Охватывая взглядом ведущую к зоне дорогу, автобусную остановку с подпирающим столб прапором и две стоящие в стороне тачки – лакированный темно-зеленый «Ниссан» и белую «шестерку», Гамид спустился со ступенек КПП. Вышедшие до него эки разделились. Трое из них уныло брели к автобусной остановке, четвертый, радостно всплеснув руками, бросился к выбравшимся при его появлении из машины мужикам и ярко накрашенной девице.

Девушка и двое мужиков из внедорожника тоже спешили ему навстречу. А вот двое других, те, что приехали на белой «шестерке», заметно отставали. Взглянув на них, Гамид сбился с размеренного шага. Эти двое мужчин показались ему знакомыми. В следующее мгновение он окончательно узнал их и изумленно воскликнул:

– Бадыр, Эльхан?!

С Бадыром и Эльханом Гамид познакомился летом 99-го, примерно за месяц до начала дагестанского восстания. Шамиль представил их ему как командиров своих диверсионных групп, которым предстояло действовать в глубоком российском тылу. Как позже убедился Гамид, Эльхан с Бадыром прекрасно стреляли, неплохо знали минно-взрывное дело – он лишь немного натаскал их – и, что было особенно важно, говорили по-русски практически без акцента. По этому признаку Шамиль и отобрал их для совершения диверсий в центре России. И лишь из-за провала дагестанского восстания запланированные с участием Бадыра и Эльхана акции пришлось отложить. Когда Российская армия перешла границу Ичкерии, подготовленные диверсанты понадобились на Кавказе для организации сопротивления. Бадыр с Эльханом отлично показали себя в боях с русскими. А то, что они остались живы и сумели проехать пол-России, чтобы встретить его, свидетельствовало, что Гамид не зря потратил время на их обучение.

– Здравствуй, брат, – приветствовал его по-чеченски Бадыр.

– С освобождением, Гамид, – присоединился к приветствию Эльхан.

Освободившийся заключенный и встречающие его земляки крепко обнялись.

– Плохо выглядишь, – произнес Эльхан, взглянув в осунувшееся обветренное лицо Гамадова.

Гамид злобно усмехнулся и, тоже перейдя на чеченский, ответил:

– Скоро наши враги будут выглядеть еще хуже.

Бадыр с Эльханом заулыбались. И Бадыр одобрительно обнял Гамида за плечи:

– Верно говоришь, брат. Ты очень нужен нашему делу. Верховный эмир связывает с твоим возвращением большие надежды. Вот он и послал нас за тобой.

– Чтобы мы проводили тебя к нему, – вставил Эльхан.

– Тогда быстрее едем отсюда, – Гамид решительно направился к их машине, но, заметив в салоне «Жигулей» на водительском сиденье еще одного человека, остановился. – Кто это с вами?

– Никто, – презрительно скривился Бадыр. – Хозяин тачки. На вокзале взяли, чтобы сюда доехать. Не на автобусе же трястись, – пояснил он и, так как Гамид продолжал подозрительно смотреть на водителя, поспешил успокоить земляка: – Случайный извозчик и по-нашему не понимает, так что не беспокойся.

– Ладно, – согласился с его доводами Гамид и, запахнув плотнее полученный на вещевом складе ватник, уселся на заднее сиденье, подальше от водителя.

Бадыр расположился рядом с ним, Эльхан устроился на переднем сиденье, и машина тронулась. Когда она проезжала мимо автобусной остановки, стоящий там прапорщик проводил машину сердитым взглядом и недовольно пробормотал:

– Кого-то на «Жигулях» развозят, а ты мерзни.

Присоединившиеся к нему бывшие эки согласно покивали головами. Но произнесенные прапорщиком слова предназначались отнюдь не им, а сотрудникам бригады наружного наблюдения Пермского управления ФСБ, находящимся неподалеку в машине, поставленной так, чтобы ее не было видно ни с автобусной остановки, ни со стороны КПП. Связь с прапорщиком, отправленным к воротам КПП, обеспечивалась с помощью миниатюрной рации, припиленной к подкладке его армейского бушлата. Получив сообщение своего подчиненного, старший группы, молодой, но уже начавший полнеть капитан, удовлетворенно кивнул и перевел слова прапорщика находящимся в машине коллегам:

– «Ниссан» мимо, Гамадова забрали те, что приехали на «жиге».

Сидящий за рулем оперативной «Волги» водитель облегченно перевел дыхание. На стылой и местами скользкой дороге ему совсем не хотелось устраивать гонки с полноприводным импортным внедорожником. Следить за отечественной машиной было куда проще. Сидящего на заднем сиденье лейтенанта, заместителя командира группы, волновали совсем другие проблемы.

– Надо бы у них документы проверить, – озабоченно сказал он командиру.

– Перед городом пост ГИБДД. Там и проверим, – кивнул головой капитан и, повернувшись к водителю, приказал: – Забирай Лешку и за ними.

Через полминуты «Волга» службы наружного наблюдения Пермского управления ФСБ проезжала мимо расположенной возле КПП исправительной колонии автобусной остановки. Заметив приближение машины, кутавшийся в бушлат прапорщик вышел на дорогу и поднял руку. К удивлению ожидающих вместе с ним автобус освободившихся заключенных, проезжающая мимо машина затормозила. Прапор приоткрыл переднюю дверцу и сунулся в салон:

– До города подбросите?

Очевидно, водитель и его пассажиры согласились подвезти попутчика, потому что прапор тут же захлопнул переднюю дверцу и живо забрался на заднее сиденье «Волги».

– Э-эх! – донесся с другой стороны молодежавый посвист и звон разбитого стекла. Счастливцев, которого встречали приехавшие на джипе друзья и подруга, засадил полный стакан водки и, широко размахнувшись, разбил его об асфальт.

Оставшиеся на остановке недавние зэки завистливо слотнули. Фиксируя происшедшее, вернувшийся в машину сотрудник службы наружного наблюдения оглянулся на шумную компанию у японского внедорожника и захлопнул за собой дверцу. В ту же секунду «Волга» тронулась с места и, быстро набирая скорость, устремилась в сторону Соликамска, куда минутой раньше укатили забравшие Гамадова «Жигули».

Спустя пять минут оперативную машину службы наружного наблюдения обогнал несущийся по трассе «Ниссан» с продолжающей праздновать освобождение своего приятеля шумной компанией. Сам виновник торжества, пьяный от выпитой почти без закуски бутылки водки и ощущения полной свободы, полулежал, развалившись на заднем сиденье. А примостившаяся рядом с ним девица шарила у него в штанах умелой рукой, высвобождая набухшую и от этого неподатливую мужскую плоть. Ее приоткрытый рот с выставленным язычком обещал обретающему свободу счастливцу новую серию удовольствий. Происходящее в просторном салоне японского внедорожника мало интересовало сотрудников УФСБ, тем более что собственный опыт наблюдения позволял им почти в точности описать совершающееся там действие. Насмотревшиеся голливудских боевиков «братки» на редкость однообразны в организации встреч своих освобождающихся из заключения подельников.

Следом за «Волгой» внедорожник обогнал совсем уж неказистые «Жигули» шестой модели. Веселящаяся в его салоне компания вообще не замечала такие машины. Зато Гамид Гамадов из окошка «Жигулей» мстительно посмотрел вслед удаляющемуся роскошному внедорожнику и угрожающе прошипел:

– С-суки эти тоже ответят.

Из-за скудости родного словарного запаса первое слово было произнесено на великом и могучем русском языке. Бадыр и Эльхан одобрительно переглянулись. Хотя, если бы они знали истинную причину ярости Гамида, их отношение к бывшему инструктору резко переменилось бы.

* * *

Машин на дороге попадалось мало. Ведущая к зоне трасса не пользовалась популярностью у местных автолюбителей. На всем пути до города нанятую Бадыром и Эльханом «шестерку» обогнали лишь японский внедорожник, встретившийся Гамиду у ворот зоны, да российская «Волга». Но даже на такой пустынной дороге при подъезде к городу торчала уродливая кирпичная коробка поста ГИБДД. И как только «шестерка» подъехала к милиционерскому посту, один из мающихся от безделья гаишников резво поднял свой жезл. Гамид злобно выругался сквозь зубы. Услышав его ругательство, водитель «Жигулей» опасливо втянул голову в плечи, но не посмел послушаться приказа мента и свернул на обочину, где уже стояла остановленная гаишниками «Волга», обогнавшая на тракте их машину.

К «Жигулям» подошли сразу двое ментов, причем второй демонстративно положил руку на ствольную коробку висевшего у него на плече автомата. Первый, с погонами старшего лейтенанта, невнятно представился и потребовал от водителя права и документы на машину. Тот вытащил из внутреннего кармана пухлые корочки и передал их менту, очевидно, там он и хранил свои документы. Старлей внимательно пролистал их, после чего приказал водителю открыть багажник. Мужик выбрался из машины – Гамид готов был поклясться, что он сделал это с большой охотой, – и пошел выполнять приказание. Какое-то время они со старлеем отирались за машиной, перебирая содержимое багажника. Потом мент вновь заглянул в салон и, обведя всех пристальным взглядом, потребовал:

– Ваши документы!

– А в чем дело?! – возмущенно выкрикнул с заднего сиденья Бадыр.

Но Эльхан предупредительно поднял руку и примирительным тоном произнес:

– У нас все в порядке, лейтенант. Вот документы, – и он протянул менту извлеченный из внутреннего кармана паспорт.

Бадыр недовольно засопел, но вслед за Эльханом тоже передал старлею свой паспорт. Помедлив секунду, Гамид добавил к паспортам посланцев эмира собственную справку об освобождении. В конце концов, он полноправный российский гражданин. Именно так сказал обо всех освобожденных эках зоновский опер Карнаухов в своей напутственной речи. Так что ему нечего бояться. Приняв из рук Гамадова справку, милицейский лейтенант изменился в лице и на всякий случай отодвинулся от машины. «Бойтесь!» – понял Гамид. И этот вывод сразу поднял ему настроение. Несколько минут старлей листал страницы паспортов и перечитывал заменяющую паспорт справку, потом, не возвращая документы, поинтересовался:

– Оружие, наркотики есть?!

Гамид даже улыбнулся столь наивному вопросу. Такую же реакцию слова мента вызвали у сидящего на переднем сиденье Эльхана.

– Что ты, лейтенант? Какое оружие? Какие наркотики? Ничего такого. Но если не веришь, можешь обыскать, – добавил Эльхан и демонстративно поднял руки.

Мент поиграл желваками, но обыскивать никого не стал.

– Можете ехать, – бросил он, возвращая документы.

Тут же вернулся за руль и водитель.

– Куда теперь? – поинтересовался он.

– На вокзал, – распорядился Эльхан.

Но Гамид резко подался вперед и, схватив водителя за плечо, рывкнул:

– Нет! Давай в гостиницу.

Сидящий за рулем человек испуганно вздрогнул и, давась застревающими в горле словами, пробормотал:

– В... какую?

– Слушай, кто в городе живет: ты или мы? – сгладил напряженность Эльхан. – Кто должен ваши гостиницы знать?

После его слов водила более-менее взял себя в руки и снова выехал на дорогу. С правой стороны промелькнул дорожный указатель «Соликамск». Машина въезжала в город...

Едва она отъехала от милицейского поста, к старшему лейтенанту подошел начальник бригады наружного наблюдения УФСБ и спросил:

– Ну как, кто они?

– Водитель наш, соликамский. Двое пассажиров: Реваз Терлоев и Зураб Надиров – жители Ингушетии. Правда, паспорта у обоих еще советского образца, так что вполне могут быть и поддельными. Но вы же велели глубоко не копать, – извиняющимся тоном добавил милицейский лейтенант. Капитан в ответ кивнул. Машина с объектом наблюдения быстро отдалялась от милицейского поста, и с докладом следовало поспешить. – У третьего, Гамида Гамадова, паспорта вообще нет, – продолжал старший лейтенант. – Только справка об освобождении с сегодняшней датой. И одет как зэк, в ватник и зэковскую шапку...

– Спасибо. Бывай.

Не дослушав своего милицейского коллегу, капитан бегом вернулся к машине. Главное он выяснил. Теперь следовало не упустить Гамадова и его сопровождающих, так как дополнительных сил, как и резервных машин, у капитана Холмогорова не было. Наблюдение за бывшим чеченским боевиком было поручено только одной бригаде. Изучив рапорт майора Мельникова, собиравшего предварительную информацию об объекте, руководство Пермского управления ФСБ сочло нецелесообразным использовать для этой цели несколько оперативных бригад. Не посылать же десятки людей за двести с лишним километров от областного центра, отрывая их от выполнения непосредственных обязанностей, и лишь для того, чтобы проследить за зоновским петухом, пусть даже бывшим чеченским боевиком. Вон их сколько по всей стране освобождается по амнистии. Следить за всеми никакой «наружки» не хватит.

Старший бригады наблюдения успел вернуться назад, пока машина с объектом еще не скрылась из вида, и водитель быстро нагнал ее. Покружив по городу, «шестерка» остановилась возле гостиницы с названием «Кама». В пятидесяти метрах позади к тротуару свернула оперативная «Волга».

– Заплати ему, – приказал Гамид Эльхану, кивнув на хозяина «Жигулей», и первым выбрался из машины.

По тротуару мимо гостиницы, подгоняемые стылým ветром, спешили люди. Большинство из них не обращали внимания на подъехавшую машину и стоящего возле нее человека в черном ватнике. Те же, кто поворачивал голову в его сторону, встретившись со злобным взглядом Гамида, поспешно отводили глаза. Подождав, когда Эльхан с Бадыром выберутся из машины и присоединятся к нему, Гамид решительным шагом направился к гостинице и, обогнав соплеменников, первым распахнул входные двери.

– Похоже, приехали, – прокомментировал действия Гамадова и его земляков капитан Холмогоров, наблюдавший за объектом из служебной машины.

В гостиничном вестибюле не было ни одного постояльца. Лишь администратор да кассир скучали за стойкой, какая-то баба неопределенного возраста в роговых очках разложила на письменном столе газеты и журналы, да одинокий мент изумленно таранился из противоположного конца вестибюля. При виде входящего в гостиницу зэка мент попытался подойти, но Гамид так ожег его своим взглядом, что тот остановился и затоптался на месте. Гамид же решительно пересек гостиничный вестибюль и, припечатав на стойку перед администратором свою справку об освобождении, потребовал:

– Мне нужен номер!

Пересилив себя, побледневшая баба взяла в руки справку, пробежала ее глазами, потом покосилась на безучастно стоящего в стороне мента и, набравшись храбрости, ответила:

– По такому документу нельзя. Нужен паспорт, с пропиской. Понимаете?

Гамид понял: эта блядь за стойкой ни во что не ставила его, как те зэки на зоне. В нем закипело бешенство, пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Еще секунда, и он бы расквасил ее наглуую рожу о стойку. Но тут вновь вмешался Эльхан:

– Какие проблемы, красавица? Вот мой паспорт. Оформляй номер на меня.

Он протянул администратору собственный паспорт, чем спас наглуую бабу от грозящей ей расправы.

– И меня вместе с другом сели, – присоединился к Эльхану Бадыр, положив перед администратором второй паспорт.

– Надолго поселяетесь? – спросила администратор, беря в руки паспорта.

Бадыр с Эльханом вопросительно взглянули на Гамида.

– До вечера! – резко ответил он.

– Так нельзя, – возразила администратор. – При размещении плата берется минимум за сутки.

На этот раз ее замечание Гамид оставил без ответа.

Через несколько минут, внося данные о новых постояльцах в свой компьютер и приняв от них плату за первые сутки проживания, администратор положила на стойку паспорта и ключ от двухместного номера. Пока она заполняла на компьютере учетную форму, в гостиницу вошел молодой человек в распахнутой меховой куртке и, остановившись перед стойкой, принялся нетерпеливо постукивать по ней газовой зажигалкой. Кое-как дождавшись, когда администратор освободится, парень обратился к ней:

– Будьте добры, посмотрите: Элла Попцова в каком номере остановилась?

Администратор вновь повернулась к своему компьютеру, а Гамид, дождавшись, когда Эльхан заберет со стойки паспорта и ключ, направился к гостиничной лестнице. За спиной раздался голос администраторши.

– Элла Попцова? – переспросила она. – У нас такая не проживает.

– Как? – изумился парень, разыскивающий свою знакомую.

Он еще что-то проблеял жалким голосом бабе за стойкой, но Гамид его уже не слушал. Его внимание переключилось на аппетитных обнаженных красоток на обложках эротических журналов, которые наряду с прочей полиграфией разложила на своем столе продавщица газет. О мягком и податливом женском теле, служащем удовлетворению мужчины и идеально приспособленном для этого, Гамид мечтал на зоне не меньше, чем о шампурях дымящегося шашлыка или блюде тушеной ароматной баранины. Но если обычный голод еще как-то можно было заглушить скудной зоновской пайкой, то голод сексуальный не удовлетворялся ничем, как различные зэковские примочки не могли заменить отсутствие женской ласки.

До того как угодил за решетку, Гамид никак не предполагал, что он когда-нибудь будет так мучиться от неудовлетворения своей похоти. Прежде деньги, недостатка в которых он никогда не испытывал, позволяли легко удовлетворять любые желания, в том числе и сексуальные. Во время учебы в Москве ему принадлежали самые роскошные студентки. Достаточно было сводить девчонку в какой-нибудь дорогой ресторан, прокатить на такси да сделать какой-нибудь подарок, вроде флакончика французских духов или фирменных колготок, и она охотно ложилась с ним в постель. На родине все обстояло еще проще. Он просто приезжал на какой-нибудь рынок рабов и покупал там понравившуюся девку. Ухаживания с ресторанами и подарками в Москве были куда хлопотнее. К тому же, когда девка приедалась, ее всегда можно было продать или подарить полезным людям за оказанные услуги, а себе купить новую, свежую и незатасканную. Среди выставляемых на продажу девчонок, которых отлавливали как в самой Чечне, так и в соседних республиках предприимчивые земляки, попадались цыпочки не хуже московских. Гамид блаженно прикрыл глаза, погрузившись в воспоминания. Этот зачуханный российский городишко, конечно, не Москва и не Грозный с его самым богатым в Ичкерии

невольничьим рынком. Но шлюхи есть везде, и найти среди них смазливую девчонку тоже не проблема. Так что он наконец сможет трахнуть настоящую живую девку. Но сначала нужно привести себя в порядок – смыть грязь и вытравить пропитавший одежду и тело отвратительный запах зоны. Еще необходимо вставить выбитые эсками зубы, но с этим, увы, придется подождать. А вот нормально поесть можно прямо сейчас.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, Гамид отыскал дверь с нужным номером и, отступив в сторону, пропустил вперед Эльхана. Тот быстро справился с замком, и Гамид смог наконец попасть в номер. Для провинциальной городской гостиницы номер выглядел вполне стандартно. Под ногами исчищенный подошвами паркетный пол с облупившимся лаком. Две застеленные выцветшими покрывалами кровати с прикроватными тумбочками, журнальный столик, телевизор и допотопный дисковый телефон составляли интерьер единственной жилой комнаты. Президентские апартаменты в глазах любого эска, особенно того, чье место располагалось в петушином кутке, между входной дверью и парашей.

Гамид прошел в ванную, открыл кран с красной нашлапкой и с удовольствием подставил руку под хлынувшую из крана струю горячей воды. На зоне такая возможность выпадала лишь раз в неделю, в банный день. Когда терпеть обжигающую струю стало невозможно, Гамид закрыл кран и вернулся в комнату. Бадыр и Эльхан вопросительно уставились на него, ожидая указаний.

– Отправляйтесь в город и купите там мыло, мочалку, шампунь, бритву, крем и одеколон! – распорядился он, немного подумал и добавил: – Еще гель для душа и соль для ванны. Да, и подберите мне нормальную одежду. Видеть не могу эти тряпки, – Гамид брезгливо сорвал с себя зоневский ватник и швырнул его на пол.

Бойцы понимающе заулыбались. И Эльхан заверил его:

– Ясно, Гамид. Сейчас все купим.

Они поспешно вывалились в коридор, а Гамид, оставшись один, бросился на постель и, вытащив из-под покрывала мягкую, упакованную в свежую накрахмаленную наволочку подушку, долго мял ее руками и терся об нее щетинистой щекой. Как и о женщине, о чистой, заправленной свежим бельем постели на зоне можно было только мечтать...

Пока Гамид Гамадов осматривал снятый гостиничный номер и строил планы на ближайшее будущее, парень, так и не отыскавший среди постояльцев гостиницы «Кама» свою знакомую, удрученный этим обстоятельством вышел на улицу. Но как только за ним закрылись гостиничные двери, удрученное выражение исчезло с его лица, и парень бодро зашагал по тротуару. Поравнявшись с «Волгой» службы наружного наблюдения, он распахнул заднюю дверцу и нырнул в салон. Теперь на его лице сияла довольная улыбка.

– Двадцать шестой номер. Заплатили за одни сутки. Все трое поднялись туда, – сообщил он коллегам, после чего предположил: – Думаю, у них здесь с кем-то встреча.

– Посмотрим, – произнес в ответ капитан Холмогоров, хотя в душе и не согласился с высказанным его заместителем мнением.

...Земляки вернулись через два часа. Бадыр торжественно поставил на журнальный столик два объемных пакета с одеждой, Эльхан присоединил к ним пакет меньшего размера с банными принадлежностями.

– Все, как ты просил, Гамид, – с улыбкой произнес Бадыр. Он явно старался угодить своему бывшему инструктору.

Гамид тоже улыбнулся в ответ. Расположение земляков, признающих его авторитет и старшинство, вселяло в него утраченную на зоне уверенность. Поблагодарив бойцов за проявленную заботу и оперативность, Гамид забрал пакет с моющими средствами и прошел в ванную. Через несколько минут он уже лежал в наполненной до краев ванне, чувствуя, как растворенная в воде морская соль размягчает и массирует кожу. После трехкратного применения французского, если верить надписям на флаконе, шампуня сальные прежде волосы вновь заси-

яли чистотой, а тщательно промытая банным гелем кожа приобрела бодрящий запах моющего средства. Хуже всего дело обстояло с ногтями. Как Гамид ни тер пальцы мочалкой, из-под ногтей никак не удалялись въевшиеся в кожу частицы грязи. Наверняка там была и засохшая кровь Уса, но тупые кумовья из оперчасти не догадались взять соскобы. Да у них скорее всего и нет необходимых реактивов для такого анализа. Гамид усмехнулся, разглядывая свои ногти. Ничего, пока сойдет. У Бадыра с Эльханом пальцы не чище. А потом можно будет сделать маникюр. Он смыл с себя под душем остатки мыльной пены и выбрался из ванны. Из висящего над раковиной зеркала на Гамида смотрел тощий человек с выпирающими ключицами и обозначающимися ребрами. Настроение сразу испортилось. «Суки, они заплатят за это!» – мысленно проговорил он и сжал кулаки. На худых руках под кожей проступили переплетающиеся узловатые мышцы. Гамид молниеносно выбросил вперед руку, остановив кулак в нескольких миллиметрах перед зеркалом: «Очень дорого заплатят».

Еще через десять минут он вышел из ванной комнаты с тщательно выбритым лицом и уложенными на пробор волосами, распространяя вокруг себя аромат дорогой туалетной воды. Правда, горские адаты предписывают носить бороду, запрещая осквернять бритвой лицо до свершения акта мести. Но Гамид Гамадов всегда считал себя выше устаревших законов диких горцев. Бородатые предки пользовались кинжалами и кремневыми ружьями и почитали за счастье убить хотя бы одного врага. А под обломками зданий, взорванных приготовленной им взрывчаткой, только в сентябре 99-го года погибло более двухсот гяуров. С таким счетом он вполне может позволить себе некоторое отступление от древних правил.

Шлепая по полу босыми ногами и прикрывшись только обмотанным вокруг талии полотенцем, Гамид подошел к ожидающим его пакетам и принялся перебирать выбранную для него Бадыром и Эльханом одежду. Судя по ярлычкам и ценникам, телохранители не поскупились. Все выбранные ими вещи оказались качественными и дорогими. Не эксклюзив, но его и невозможно отыскать в заштатном городишке. Гамид довольно заулыбался. Извлекаемая из пакетов новая одежда, как и только что принятая ванна, отдаляли его от того жалкого существования, которое он влачил на зоне, неся спокойствие и удовлетворение. Впрочем, до полного удовлетворения было еще далеко. Гамид облачился в белую сорочку и строгий черный костюм из чистой шерсти. После зоновской черноты он бы предпочел более яркий цвет, но такого, очевидно, не нашлось, или земляки решили, что черный будет более уместен. Куда хуже оказалось то, что они ошиблись с размером. Брюки пятидесятого размера, которые прежде носил Гамид, теперь сваливались с него, а пиджак висел как на вешалке. Пришлось стянуть брюки ремнем, а под пиджак надеть просторный свитер, который, к счастью, догадались купить его телохранители. Вновь осмотрев себя, Гамид остался доволен преображением. То, что одежда велика, не беда – позже он сам подберет себе все по размеру. Главное, что он окончательно избавился от шкуры зэка, презренного чушкаря.

Гамид обвел веселым взглядом телохранителей:

- А теперь обедать!
- Тут на углу кафешка. Вроде приличная, – вспомнил Бадыр.
- А бляди там есть? – усмехнулся Гамид.
- Посмотрим, узнаем, – заулыбался в ответ Эльхан.

Земляки с полуслова угадывали его желания. Впрочем, иного от своих телохранителей Гамид и не ожидал.

5. НАБЛЮДЕНИЕ

*Железнодорожный вокзал,
Соликамск, Пермская область
29 ноября, 12.20*

На первом этаже вокзала гулял сквозняк, и капитан Холмогоров, продрогший за ночь и так и не согревшийся, уже в который раз зябко поежился. Из-за отгороженного закутка доносились запахи свежей выпечки – там располагался вокзальный буфет. Кроме выпечки, в буфете наверняка подавали и горячий чай. Холмогоров знал, если выпить пару стаканов чая да заглотить несколько пирожков, все равно с чем – с мясом, творогом или картошкой, то он согреется. Но уйти в буфет означало оставить без контроля лестницу, где в любой момент могли появиться его сотрудники или наблюдаемые объекты. Поэтому капитан терпеливо стоял на месте, отгородившись от тянущего через щели неплотно прикрытых дверей сквозняка своей тонкой синтепоновой курткой, и безуспешно старался унять озноб...

Минувшую ночь оперативники службы наружного наблюдения провели в машине, изредка запуская двигатель и включая отопитель, чтобы окончательно не замерзнуть. Но автомобильная печка помогала слабо: стоило выключить двигатель, как уже через несколько минут ветер выдувал из машины все тепло. И к утру капитан Холмогоров и трое его подчиненных промерзли буквально до костей. Лейтенант Ярцев, зам. командира группы, предлагал согреться водкой и даже вызывался лично сгонять за бутылкой в соседнее с гостиницей кафе, работающее допоздна. Но Холмогоров, всегда охотно соглашающийся «обмыть» удачную операцию или просто «расслабиться» после работы, в этот раз проявил несвойственную ему категоричность, запретив своим сотрудникам употребление алкоголя. Наблюдение показало, что от объекта и его сопровождающих можно ожидать любых сюрпризов, и это требовало от оперативников предельного внимания и сосредоточенности. К такому выводу Холмогоров пришел, когда объект вышел из гостиницы совершенно преобразившимся. Он настолько изменился, что в первый момент старший группы наблюдения даже не узнал его и, только увидев возле него все тех же сопровождающих, опознал в одетом с иголки молодом мужчине Гамадова. Вместо ватного бушлата на нем была укороченная дубленка-крэк, которая, очевидно, прикрывала нехилый пиджачишко, потому что мятые штаны и стоптанные ботинки заменили соответственно шикарные брюки и изящные кожаные ботинки с удлиненными носами. Вместе с одеждой у Гамадова изменилась и внешность – с лица исчезла заскорузлая щетина, а растрепанные волосы приобрели пышность и блеск, и даже походка, движения стали плавные и неторопливые. Вместо дерганого зэка с постоянно бегающими глазами, который вышел из дверей ИТК-9, Холмогоров увидел преуспевающего бизнесмена средней руки или удачливого бандита. Встретившие его у ворот колонии земляки – слуги или телохранители – выглядели куда скромнее.

Выйдя из гостиницы, все трое направились в соседнее кафе, расположенное через дорогу, где провели четыре с половиной часа и вернулись в гостиницу только под вечер в компании с двумя молодыми девицами. С этого момента никто из них не появлялся на улице уже до самого утра. Холмогорову, да и другим наблюдателям, были хорошо известны гостиничные правила, запрещающие на ночь оставлять в номерах посторонних, но некоторое количество купюр заставило администрацию забыть о собственных правилах.

В девять ноль шесть – Холмогоров отметил точное время для рапорта – снятые кавказцами девицы вышли из гостиницы и прямо у входа принялись ловить такси. Выглядели они помятыми и злыми. Очевидно, заработок не соответствовал условиям и напряженности работы. Еще через полтора часа появились и сами кавказцы. Сопровождающие Гамадова земляки несли дорожные сумки, которые имели при себе накануне, из чего старший группы

наблюдения сделал вывод, что объекты покидают гостиницу. Действительно, поймав частника, все трое поехали на железнодорожный вокзал. Оставив водителя в машине, Холмогоров вместе с двумя своими подчиненными отправился за ними. Чтобы не привлекать внимания наблюдаемых, оперативник, следивший за Гамадовым возле колонии, по возвращении в машину сразу переоделся, сменив форму прапорщика на гражданскую одежду. Предосторожность оказалась совсем не лишней, пассажиров на вокзале было мало, что серьезно затрудняло наблюдение.

Гамадов и сопровождающие его земляки целенаправленно поднялись на второй этаж, где располагались билетные кассы и зал ожидания. Чтобы втроем не мозолить объектам глаза, Холмогоров отправил за ними своего зама и второго оперативника, а сам остался на первом этаже, возле лестницы. Спуститься со второго этажа вокзала другим путем было невозможно. Так что, наблюдая за лестницей, Холмогоров контролировал и перемещение объектов. С того момента, как он расстался со своими оперативниками, прошло уже двадцать минут – ожидание явно затягивалось.

Наконец на лестнице появился Ярцев. Сунув руки в карманы, он неспешно спускался вниз. Холмогоров поспешно вытащил сигарету и, шагнув к лейтенанту, попросил у того прикурить. Чиркнув зажигалкой, зам поднес огонек к сигарете своего начальника и шепотом произнес:

– Все трое купили билеты на казанский поезд. Отправление в тринадцать тридцать. Установить вагон не удалось. Сейчас сидят на скамье справа от входа, лицом к лестнице. Очевидно, ждут начала посадки.

Холмогоров на секунду задумался:

– Возвращайся в машину или можешь зайти в буфет, чего-нибудь пожевать. При изменении обстановки связь по рации.

Ярцев спрятал зажигалку в карман и той же неспешной походкой направился к буфету. Холмогоров зашел к дежурной по вокзалу, показал женщине милицейское удостоверение прикрытия и попросил провести его в служебное помещение билетных кассиров. Поднявшись вслед за дежурной на второй этаж, он увидел земляков Гамадова, сидящих на указанной Ярцевым скамье. Основным объектом наблюдения в это время с интересом разглядывал витрину газетного киоска. Здесь же находился наблюдающий за ними оперативник. Он расположился на крайней скамье в дальнем углу зала ожидания, что позволяло ему одновременно держать в поле зрения все три объекта. Мысленно похвалив подчиненного за грамотно выбранную наблюдательную позицию, Холмогоров вместе с дежурной через служебный вход прошел в билетную кассу. Очереди перед кассой не было, что оказалось весьма кстати.

– Товарищ из милиции, – представила его дежурная по вокзалу сидящей за кассовым терминалом женщине.

– Управление уголовного розыска, – Холмогоров вторично продемонстрировал документ прикрытия и сразу перешел к делу: – Мне нужны данные пассажиров, купивших сегодня билеты на казанский поезд. Можно вывести их на ваш компьютер?

Просьба не вызвала затруднений у кассира, и уже спустя несколько секунд на экране кассового терминала высветились фамилии пассажиров поезда Соликамск – Казань. Три интересующие оперативников фамилии: Надиров, Терлоев и Гамадов замыкали список. Все трое приобрели билеты в купейный вагон и занимали одно купе. Четвертое место пока оставалось непроданным. Исходя из сложившейся ситуации, вариантов было два: возвращаться в Пермь на машине, предварительно сообщив данные об объектах в управление в расчете на то, что на вокзале в Перми Гамадова и его телохранителей возьмут под наблюдение другие оперативники, либо продолжить наблюдение своими силами уже от станции отправления. Старший группы выбрал второй вариант. Требование на проезд для всех сотрудников оперативной бригады у него было на руках, и из кассы он вышел, имея при себе три билета на казанский поезд: два в один вагон с наблюдаемыми объектами и один билет в соседний. До Перми поезд шел наполо-

вину пустым, основная часть пассажиров садилась позже, и свободные места имелись в каждом вагоне. Тем не менее Холмогоров решил ехать отдельно от своих подчиненных, чтобы лишний раз не попадаться на глаза наблюдаемым объектам и иметь большую свободу передвижений.

За то время, что он провел в билетной кассе, обстановка в зале ожидания практически не изменилась. Только Гамадов с толстой пачкой купленных в киоске красочных журналов вернулся к своим телохранителям. Не задерживая взгляда на сидящих рядом кавказцах, Холмогоров спустился на первый этаж, наскоро перекусил в буфете и вышел на привокзальную площадь, где стояла оперативная «Волга». Ярцев уже был в машине. Судя по его довольному сытому виду, он не терял времени даром. Холмогоров показал заместителю железнодорожные билеты и вызвал по рации второго наблюдателя:

– Следуем за объектом на казанском поезде. Билеты у меня. Встречаемся на перроне.

– Понял, – коротко ответил оперативник.

Капитан повернулся к водителю:

– Обратно поедешь без нас. По возвращении напишешь подробный рапорт.

Сержант-водитель понимающе кивнул. Приказ командира означал, что для него данная командировка на этом и закончится. В то время как его товарищам предстояло сопровождать объекты до самой Казани. Но наблюдение в поезде не отличается сложностью, поэтому водитель в душе позавидовал оперативникам. Ехать в уютном купе, твердо зная, что твой объект находится в том же вагоне, куда проще и спокойнее, чем весь день, с утра до вечера, мотаться на машине по городу.

* * *

Лежа на верхней полке, Гамид смотрел в потолок купе. Внизу Бадыр с Эльханом играли в карты. Перед началом игры они предложили и Гамадову присоединиться к ним. Гамид, согласившись – делать было все равно нечего, – равнодушно поинтересовался, на что они собираются играть.

– Да на просто так, – выпалил Бадыр.

«Издевается баран!» Накопившаяся злоба выплеснулась наружу, затопив все существо Гамида, и он вне себя от ярости ударил Бадыра в лицо, впечатав кулак в его не успевший закрыться рот. В последний момент Бадыр отшатнулся, тем не менее Гамид в кровь разбил ему верхнюю губу.

– Ты что?! – ошарашенно выкрикнул изумленный и напуганный телохранитель, заплевывая купе красными от крови слюнями.

Он не понимал, чем вызвал внезапную вспышку гнева своего бывшего инструктора. Сообразил это и Гамид. Нужно было как-то объяснить свои действия, и он сказал:

– Расслабились. Нюх потеряли. Забыли, что моджахед каждую секунду должен быть готов к отражению нападения. Это вам урок на будущее, – закончил Гамид, указав на разбитый рот Бадыра.

Тот вытер кулаком кровь с лица и, хотя было ясно, что «урок» не пришелся ему по душе, сделал вид, что простил обиду и даже попытался улыбнуться. Зато Эльхан пристально уставился на своего бывшего инструктора. Перехватив его взгляд, Гамид вспомнил, что в молодости Эльхан оттянул два года за хулиганку и с его опытом зоны наверняка знает, что на эковском жаргоне «просто так» означает задницу, и проигравший в такой игре становится новым зоновским петухом. Вряд ли Эльхан принял на веру его с ходу придуманное объяснение, однако от каких бы то ни было комментариев воздержался. Гамид в очередной раз оценил выдержку своего телохранителя, но после слов Бадыра уже не смог заставить себя взять в руки карты и, заявив, что хочет отдохнуть, забрался на верхнюю полку.

Но как можно отдыхать, когда журналы, которые он приобрел в вокзальном киоске, давно прочитаны, а помещенные в них фотографии голых девок обсмакованы и изучены до каждой складочки на их блядских телах? Провалившись полчаса без дела, Гамид спустился вниз. Бадыр и Эльхан, лениво шлепающие картами по столику вагонного купе, обернулись к нему, но сказать что-либо не решились. Гамид махнул им рукой – расслабьтесь, и вышел в коридор. Здесь было пусто, только за застекленной дверью, возле толчка, стоял какой-то парень и украдкой курил, пряча сигарету в кулаке. Курить разрешалось только в продуваемом, неотапливаемом тамбуре, но там было чертовски холодно, и большинство пассажиров, в отсутствие проводницы, клали на эти правила с прибором. Но на этот раз парню не повезло. Из соседнего вагона вынырнула за каким-то шайтаном таскавшаяся туда проводница и сразу наткнулась на него. Баба подняла крик, который весьма позабавил Гамида, и, заставив парня затушить сигарету, вытолкала его в коридор. Гамид с интересом наблюдал за ними, но, когда он внимательнее присмотрелся к парню, улыбка сползла с его лица. Гамид узнал его. Перед ним оказался тот самый прапорщик, которого он заметил возле зоны, когда вышел за ворота КПП. Только сейчас прапор был не в форме, а в клетчатой рубашке, черных брюках и гражданских зимних ботинках. Впрочем, и тогда ботинки на нем вроде бы тоже были гражданские. Повернувшись к окну, чтобы не встречаться с прапорщиком взглядом, Гамид попытался успокоить себя. Эта встреча ровным счетом ничего не значит. Случайное совпадение. Прапору понадобилось добраться до Перми или Казани, или еще какой-нибудь станции по дороге, и он по случайному стечению обстоятельств купил билет на тот же поезд и в тот же вагон. Но обостренное чувством надвигающейся опасности сознание тут же выдало встречный аргумент: тогда почему он не в форме, а в гражданке? Переоделся перед отъездом – попробовал успокоить сам себя Гамид. Но обстоятельства, на которые он в первый момент не обратил внимания, заставили усомниться в таком предположении. Сев в поезд, прапор не переоделся в спортивный костюм и тапки, как сделали это другие пассажиры. Он ехал в той же одежде и обуви, в какой и ходил по улице, сняв лишь одну куртку или что там на нем было. Сам Гамид столкнулся с той же проблемой, не позаботившись об одежде для поезда. Его выручил Эльхан, отдав на время свои тренировочные штаны. Напрашивался вывод, что подозрительный прапор до последнего момента не собирался ехать поездом. Что, вернее, кто заставил его переменить это решение? Гамид скосил глаза в сторону, чтобы запомнить купе, куда войдет опасный человек. Но тот не вернулся в купе, что тоже показалось Гамиду подозрительным, а устроился в коридоре на откидном сиденье с газетой в руках. Гамид терпеливо ждал.

Из купе выглянул Бадыр:

– Мы собрались чая попить. Будешь?

Гамид отмахнулся от него:

– Позже.

Через минуту Бадыр с двумя стаканами прошел к поезднему титану и, наполнив их кипятком, вернулся обратно. Прапор с газетой по-прежнему сидел на своем месте. Из купе донеслось позвякивание ложек о стекло – телохранители размешивали в стаканах сахар. А прапор все сидел на месте. Наконец, дочитав газету, он свернул ее в трубку и зашел в свое купе. Гамид запомнил номер. Прапор ехал за три купе от него. Постояв еще какое-то время возле окна, Гамид тоже вернулся в купе. Бадыр с Эльханом давно допили чай, больше похожий на зоновский чифирь, и снова резались в карты.

Гамид уселся на полку, рядом с Эльханом, и задумался. Слежка? Очень похоже. Взяли от самой зоны и ведут. Но тогда наблюдатели должны меняться. Один и тот же «глаз» он бы уже давно заметил. Следующая мысль бросила Гамадова в жар: значит, и в поезде не одна ищейка, а несколько! Он решил немедленно проверить свое предположение. Взяв в руки мыльницу и повесив на плечо полотенце, Гамид снова вышел в коридор и направился к вагонному туалету. Дверь купе, где ехал прапорщик, оказалась открыта. Поравнявшись с купе, Гамид мазнул

взглядом по лицам остальных пассажиров и прошел дальше. Кроме прапора, в купе ехали двое: еще один парень, примерно такого же возраста, и баба лет сорока. Парень лежал на верхней полке с книжкой в руке, а баба на нижней возилась со своей хозяйственной сумкой. Особенно подозрительным выглядел парень. Мало того, что он был того же возраста, что и прапор, он тоже не переделался в поезде в домашнюю или спортивную одежду и лежал на полке в темных джинсах и похожей по цвету рубашке. Да и на полу купе не оказалось домашних тапочек или стоптанных кроссовок, какие некоторые пассажиры использовали в вагоне в качестве сменной обуви.

Гамид закрылся в туалетной кабинке и прижался лбом к холодному стеклу висящего над металлической раковиной зеркала. Мозг преследуемого хищника пытался найти успокаивающее объяснение, но желанное облегчение не наступало. Более того, ему стало казаться, что он уже где-то встречал парня, залегшего с книжкой на верхней полке, только, разумеется, при других обстоятельствах. Сполоснув лицо водой, Гамид вышел из туалета и двинулся в обратную сторону. Проходя мимо опасного купе, он вновь скосил глаза в сторону открытой двери. Цепкий взгляд минера-взрывника выхватил из общей обстановки два предмета, на которые он прежде не обратил внимания: пластмассовую газовую зажигалку на столике и меховую куртку на крючке-вешалке. Именно эти два предмета он видел в соликамской гостинице, когда препирался с администратором. Куртка и зажигалка были у парня, искавшего среди постояльцев свою подружку, парня, который лежал сейчас на верхней полке с книжкой в руках!

Гамид все понял. Его обложили. Обложили со всех сторон! Эти парни и баба – ищейки, которые крадутся за ним, чтобы при первом удобном случае вцепиться в горло. Впрочем, нет. Сценарий скорее всего другой. Где-то на пути ищейки передадут его матерым волкодавам, вроде тех, что взяли его на блокпосту. Те и завершат начавшуюся охоту. На ватных ногах Гамид дошел до своего купе и опустился на нижнюю полку. Откуда-то издали донесся довольный смех Бадыра. Очевидно, он обыграл в карты Эльхана и от души этому радовался. «Сейчас он повеселится!» – Гамид резким движением задвинул дверь купе. Смех Бадыра тут же оборвался, и оба телохранителя встревоженно обернулись к нему.

– За нами «хвост». В поезде трое ищеек: два мужика и баба. Едут за три купе от нас, – объявил землякам Гамид.

– Откуда знаешь? – растерянно пробормотал Бадыр. В глазах, вместо смеха, застыл испуг. Отчего-то Гамиду это было приятно.

– Видел одного из них возле КПП, когда с зоны выходил. Второй заходил в гостиницу, когда мы там устраивались, – объяснил Гамид.

– Тот, что какую-то девку искал? – вспомнил Эльхан.

Гамид молча кивнул.

– Следят? Но зачем, раз сами тебя освободили? – заметил Бадыр. Он никак не мог понять смысла происходящего.

Гамид и сам не понимал, чем вызвана активность ищеек. Ведь после освобождения по действующим российским законам он был абсолютно чист и формально ни в чем не виновен. Эльхан все расставил по своим местам:

– Они надеются, что мы приведем их к эмиру, и рассчитывают взять нас всем скопом.

– Шакалы! Чего удумали, – грозно зашипел Бадыр.

– Заткнись, – прикрикнул на него Гамид. Своим бессвязным бормотанием тот мешал ему думать.

В купе сразу же наступила тишина. Хотя приказ Гамадова был обращен только к Бадыру, Эльхан тоже посчитал за лучшее не раскрывать рта.

Через пять минут напряженных размышлений Гамид нарушил установившуюся тишину:

– Их надо валить, причем прямо в поезде. Иначе в Казани или еще где они передадут нас другим ищейкам, которых мы не знаем, а те, в свою очередь, псам из спецназа. Тогда нам

уже точно не оторваться. – Бадыр и Эльхан сосредоточенно молчали. Гамид обвел их вопро- сительным взглядом. – Ну, что скажете?

– До гор путь не близкий, – вынужденно ответил Эльхан. – Не лучше ли пройти его, не привлекая к себе внимания русаков?

Гамид недовольно оскалился:

– За нами и так по пятам идут ищейки. И чем мы будем ближе к дому, тем их станет больше. А в Ичкерии русские пустят по нашему следу целую свору своих лучших псов. И это ты называешь «слабым вниманием»?!

Эльхан молчал. Возразить ему было нечего.

– Сделаем так, – объявил Гамид, приняв решение. Теперь он говорил как командир, не призывая телохранителей в советчики, а отдавая им конкретный приказ. – Мы грохнем их ночью, когда остальные пассажиры будут спать. А потом соскочим на какой-нибудь узловой станции. И пусть тогда русские нас ищут, – закончил он с довольной ухмылкой.

Бойцов же больше интересовала техническая сторона исполнения предложенного коман- диром плана.

– У них наверняка «ствол» у каждого. А у нас на всех троих два ножа, – с опаской в голосе заметил Бадыр. – Как мы их достанем?

Гамид ухмыльнулся. На зоне он расправился с Усом, имея при себе одну алюминиевую ложку. Вместо ответа на прозвучавший вопрос он с издевкой обратился к Бадыру:

– Будь и у тебя «ствол», ты бы, понятно, пустил его в дело и поднял на ноги весь вагон.

Боец угрюмо потупился. Гамид понял, что его следует ободрить, иначе, когда дойдет до дела, он завалит весь план, и изменившимся голосом сказал:

– «Стволы» нам не понадобятся. Я все продумал. Слушайте сюда...

Гамид наклонился вперед, и оба телохранителя подались к нему, впитывая каждое слово своего командира.

* * *

Под ритмичный стук вагонных колес и скрип межкупейных переборок на лейтенанта Ярцева накатывала дремота. Под конец смены бороться со сном стало совсем нелегко. Ярцев поднял к глазам руку и взглянул на фосфоресцирующие стрелки своих часов. Оставалось выдержать еще полчаса до конца смены. Через полчаса можно будет разбудить спящего на нижней полке Лешку, перевернуться на бок, закрыть глаза – и катитесь все чеченские боевики куда подальше! По крайней мере до семи утра, когда нужно доложить Холмогорову, сле- дить за ними будет Лешка. Да и после доклада вполне можно будет пару часиков прихватить – чечены улеглись поздно, значит, поздно и встанут.

Ярцев не видел особого смысла в посменном бодрствовании ночью – куда чеченцы денутся с мчащегося поезда? Но Холмогоров категорически запретил прерывать наблюдение. Вот и приходится им с Лешкой, подменяя друг друга, просыпаться через каждые четыре часа. Правда, капитан приказал сменяться через два часа, но они решили иначе. При двухчасовой смене вообще не отдохнешь: не успеешь толком заснуть, как уже твоя очередь бодрствовать. Ярцев, как старший парного наряда, взял себе самый сложный промежуток: с двух до шести. Проявленное по отношению к подчиненному благородство возвышало его в собственных гла- зах, но бороться с дремотой не помогало. Ярцев попробовал мысленно петь, но слова запо- мнившейся ему беззаботной веселой песенки в исполнении трех симпатичных «стюардесс», как назло, вылетели у него из головы, и, кроме одной строчки «А я все летала...», лейтенант больше ничего вспомнить не смог.

Неожиданно из-за приоткрытой двери купе донеслись шаги. Кто-то шел по вагону со стороны служебного купе. Ярцев обратился в слух. За смену мимо него дважды проскальзы-

вали спешащие в туалет пассажиры. Оба раза женщины. Но сейчас, судя по широким тяжелым шагам, по коридору шел мужчина. Вот он уже возле купе. Еще шаг, и в дверном проеме появился «Хмурый» – один из сопровождающих Гамадова. Сам Гамадов за его удобу получил рабочий псевдоним «Тощий», а его второй сопровождающий, в противоположность первому, – прозвище «Веселый». «Хмурый» в широкой майке, полностью открывающей его мускулистые руки и плечи, не задержавшись, прошел мимо. Ярцев успел увидеть на левом плече кавказца какую-то татуировку, но как следует разглядеть ее не сумел. Тем не менее это, безусловно, была особая примета. Позже по татуировке, возможно, удастся установить подлинную личность боевика, если паспорт, по которому он регистрировался в гостинице, окажется поддельным. Пока Ярцев размышлял, как бы ему получше рассмотреть татуировку, в коридоре вновь послышались шаги, на этот раз крадущиеся и осторожные. А спустя пару секунд мимо наблюдательной позиции лейтенанта проскользнул уже сам Гамадов. Ярцев непроизвольно приоткрыл рот. Объекты вели себя более чем подозрительно. Притом, если «Хмурый» был в прежней одежде, то «Тощий» сменил спортивные штаны на брюки. Внезапно Ярцев вспомнил, что менее чем через полчаса должна быть остановка. Поезд подходил к станции Вятские Поляны. Уж не собираются ли объекты сойти здесь? Сон, еще несколько минут назад одолевавший лейтенанта, как рукой сняло. Теперь его заботило только одно – как не упустить чеченцев.

Прошло несколько минут. «Хмурый» и «Тощий» по-прежнему не появлялись. Не было слышно в коридоре и их шагов. Ярцев попытался оценить возможные действия наблюдаемых. На ходу прыгать с поезда они не будут – скорость слишком велика. А вот пройти по составу и, дождавшись остановки, выйти из другого вагона могут вполне. Раннее утро, на перроне темно. Если их сразу не обнаружить, могут запросто затеряться. Но почему они отправились только вдвоем? Если собираются сходить, то почему без верхней одежды? «Хмурый» вообще в майке. Вопросов возникло много, но ни на один из них, включая главный – что делать? – Ярцев ответа не знал. Посоветоваться с капитаном? В складывающейся ситуации это было самым разумным. Но Ярцев опять же не знал, каким образом это сделать. Вызвать командира по рации? Но капитан наверняка спит. Вызов придется повторять снова и снова, и неизвестно, кто услышит его первым: капитан или его соседи. Последнее наверняка приведет к расшифровке командира, а то и всей группы... Секунды стремительно таяли, а Ярцев никак не мог принять решение. Он снова бросил взгляд на часы. Прошло уже почти десять минут с тех пор, как Гамадов и один из его телохранителей покинули свое купе. Решение нужно было принимать немедленно, и Ярцев его принял. Спрыгнув на пол, он толкнул спавшего на нижней полке напарника. Тот сейчас же открыл глаза.

– «Тощий» и «Хмурый» десять минут назад свалили из вагона, – шепнул лейтенант напарнику. – Я за ними, – он указал рукой направление. – А ты сообщи капитану.

Алексей понимающе кивнул в ответ и тоже поднялся с полки. Ярцев натягивал ботинки. Обувшись, он уже хотел выйти из купе, но, в последний момент вспомнив об оружии, достал из внутреннего кармана своей куртки пистолет, обернул его полотенцем и, зажав сверток в руке, выскользнул за дверь.

Коридор был пуст, и со стороны тамбура, куда прошли объекты, тоже не доносилось ни звука. Стараясь ступать как можно осторожнее, лейтенант дошел до конца коридора и остановился перед дверью туалетной комнаты. «Нельзя оставлять за спиной непроверенных помещений», – вспомнил он неоднократно слышанное предупреждение и, повернув дверную ручку, толкнул открывшуюся дверь. Туалетная комната оказалась пуста. «Точно свалили», – решил лейтенант и поспешно распахнул дверь в вагонный тамбур. За дверью никого не было. Но едва Ярцев шагнул вперед, как кто-то перехватил его руку, в которой он держал завернутое в полотенце оружие, и с невероятной силой рванул вперед. За спиной у лейтенанта оглушительно ударила захлопнувшаяся дверь, а прямо перед собой он увидел Гамадова, заломившего его руку болевым приемом. Невероятная боль пронзила Ярцеву кисть, его пальцы самопроиз-

вольно разжались, и замотанный в полотенце табельный «макаров» с глухим стуком упал к ногам лейтенанта. Ярцев рванулся назад, пытаясь освободиться от захвата, но это ни к чему не привело. Лишь новая боль до самого локтя молнией пронзила его захваченную, словно клещами, руку. Морщась от боли, он открыл рот, чтобы позвать на помощь, но в этот момент тонкий шнур захлестнул его шею и, затянувшись петлей, не пропустил наружу рвущийся из горла крик. Ярцев захрипел, беспорядочно замахал свободной рукой, но петля продолжала стягиваться все туже и туже. Все поплыло у лейтенанта перед глазами, а затем глаза и вовсе застлала стремительно сгущающаяся тьма. Его тело последний раз дернулось и обвисло в захлестнутой на горле петле...

* * *

Когда щенок перестал трепыхаться, Гамид выпустил его руку. Русский оказался глупым щенком, а никакой не ищейкой, иначе бы он не попался в такую элементарную ловушку. По знаку Гамида Эльхан распустил петлю, скрученную из поясного шнура от его собственных спортивных штанов, и, ухватив задушенного врага за шиворот, опустил его на заплеванный железный пол вагонного купе.

– Готов? – на всякий случай поинтересовался он.

Гамид, наблюдавший, как закатились глаза лейтенанта, утвердительно кивнул в ответ, затем быстро нагнулся и поднял с пола выпавший из рук Ярцева сверток. По весу и форме свертка он сразу понял, что внутри находится оружие, и, развернув полотенце, увидел тускло отблескивающий в свете тамбурной лампочки пистолет Макарова. Оружие во многом облегчало последующую задачу. И хотя Гамид рассчитывал убить двух оставшихся ищеек, не открывая огня, с пистолетом в руках он почувствовал себя намного увереннее...

* * *

Второй наблюдатель потратил чуть больше времени, чтобы собраться. Наконец он полностью оделся, привычно сунул за брючный ремень пистолет и прикрыл его специально надежным для этого свитером. В этот момент в той стороне вагона, куда отправился Ярцев, громко хлопнула дверь тамбура. Для находящегося в купе наблюдателя этот звук стал сигналом опасности и беды, нависшей над его другом. Алексей сунул руку под свитер, хватаясь за ребристую рукоятку вставленного за пояс «макарова», резко отодвинул в сторону дверь купе и вынырнул в коридор. Все свое внимание он обратил к левой части вагона, куда вслед за объектами отправился Ярцев и где хлопнула тамбурная дверь, тем самым совершив роковую ошибку. Подстерегающая его опасность таилась с противоположной стороны...

* * *

Справа от входа в купе, где обосновались следящие за ними презренные гяуры, прижавшись к переборке, стоял Бадыр с занесенным для удара ножом. Он точно выполнил полученную от Гамида инструкцию – дождался, когда один из русаков, выманенный Эльханом и Гамидом, скрылся в тамбуре, подкрался к купе гяуров и занял позицию возле двери. Гамид сказал, что кто-то из двух оставшихся в купе ищеек может попытаться прийти на помощь первому псу. Так и случилось. Но предупрежденный командиром Бадыр был к этому готов и, как только второй гяур показался из купе, расчетливым ударом вонзил нож ему в спину. Клинок легко пробил тонкую полушерстяную ткань, под которой, вопреки инструкции, не оказалось кевларового жилета, и пронзил легкое.

Бадыр локтевым сгибом свободной руки захватил за шею обмякшее тело, выдернул из раны нож и сейчас же нанес второй удар, на этот раз в область печени. Прием был многократно отработан на русских пленных. И хотя убивать реального врага таким образом ему еще не приходилось, Бадыр знал, что по крайней мере второй ножевой удар является смертельным. Он подхватил бесчувственное тело и, втолкнув его в купе, швырнул на свободную нижнюю полку. На противоположной полке, отвернувшись к стенке, спала русская баба. Сквозь стук вагонных колес Бадыр отчетливо различил ее сонное сопение. Смешно, третья ищейка даже не проснулась. Тем хуже для нее... Бадыр резко нагнулся к спящей женщине, зажал ей ладонью рот и чиркнул ножом по горлу. Тело жертвы под его рукой забилося в предсмертных судорогах, а из раны фонтаном брызнула кровь, окатив руку убийце. Бадыр поспешно натянул на голову женщины простыню, прикрыв распоротое горло, после чего принялся оттирать краем простыни перепачканные кровью руки.

За этим занятием его и застал Гамид, заглянувший в купе из коридора. Окинув взглядом открывшуюся ему картину, Гамид одобрительно улыбнулся Бадыру, после чего выглянул в коридор и жестом поманил наблюдающего за ним из тамбура Эльхана. Тот взвалил на плечи труп задушенного наблюдателя и, пробежав по вагону, нырнул в купе к своим поделщикам и поспешно захлопнул за собой дверь.

– Клади щенка наверх, – шепнул ему на ухо Гамид, и Эльхан послушно выполнил приказание.

Но в узком пространстве поездного купе для троих было слишком мало места, и Гамид приказал сообщникам поднять на верхнюю полку и тело второго оперативника. Рана на горле зарезанной Бадыром женщины продолжала обильно кровоточить, и, опасаясь испачкать кровью собственную одежду, Гамид решил не трогать ее. Когда Бадыр с Эльханом забросили на вторую верхнюю полку труп другого мужчины, внизу сразу стало просторнее, и Гамид со знанием дела приступил к обыску вещей убитых врагов. Тем временем Бадыр обшарил труп зарезанного оперативника и, обнаружив у него за поясом пистолет, с довольным видом показал Гамиду.

– Оставь себе, – разрешил Гамид.

В первую очередь следовало вооружить Эльхана как более опытного бойца. Но Гамид решил не лишать Бадыра его трофея, тем более что надеялся найти еще один пистолет в вещах убитой женщины. Он перетряхнул все ее сумки, но так и не нашел оружия. А наполнявшие сумки вещи окончательно убедили Гамида, что женщина вовсе не была пущенной по его следу ищейкой. Открывшееся обстоятельство не пробудило в Гамиде жалости к жертве – он вообще считал себя выше этого пустого нерационального чувства, – а вызвало только досаду от допущенной ошибки. Но эта досада с успехом компенсировалась трофеями, обнаруженными среди вещей настоящих ищек. Помимо оружия – двух пистолетов Макарова и двух запасных магазинов к ним, Гамид отыскал две оперативные рации и, что его особенно обрадовало, служебные удостоверения оперативников.

– Управление ФСБ Пермской области, – прочитал он, заглянув в первое удостоверение. – Лейтенант Ярцев.

Захлопнув первые красные корочки, Гамид раскрыл другие:

– Прапорщик Бочкарев.

– Классные ксивы, – заметил Эльхан, заглянув ему через плечо. – Отдадим нашим мастерам, те фотки переклеят, никто и не вьедет, что корка переделанная.

Гамид таинственно улыбнулся. Задушенный несколько минут назад лейтенант имел куда более округлившееся лицо, чем на своей фотографии в служебном удостоверении, да и волосы носил подлиннее. Зато недавно освободившийся заключенный Гамадов своей короткой стрижкой, худым заострившимся лицом и тонкой шеей вполне соответствовал фотографическому изображению. Правда, различались мелкие детали: разрез глаз, густота бровей и форма носа,

но заметить эти отличия можно было лишь при внимательном изучении фотографии. Еще лейтенант был ниже его на полголовы, но рост, как и другие параметры фигуры сотрудника УФСБ, в служебном удостоверении не указывались. Зато удостоверение давало его обладателю право ношения оружия. Когда Гамид прочел соответствующую запись, улыбка на его лице стала еще шире. С этими корочками он мог носить пистолет практически безбоязненно.

Гамид засунул в карман оба удостоверения и найденные у оперативников рации и распорядился:

– Все. Уходим отсюда. Сейчас будет станция, а нам еще надо одеться и собрать вещи.

Он первым открыл дверь купе и, убедившись, что в коридоре никого нет, быстро прошел к себе. Следом за ним тот же путь повторил Эльхан, а еще через несколько секунд – Бадыр. В кулаке он нес две с половиной тысячи рублей, которые нашел в бумажнике женщины, небрежно отброшенном Гамидом в сторону во время обыска, и золотые сережки, вырванные из ушей убитой...

* * *

Капитан Холмогоров проснулся в половине седьмого утра, когда его соседи по купе, двое командированных, еще крепко спали. Он быстро умылся и вернулся назад, хотя можно было особенно и не спешить – до контрольной встречи с Ярцевым оставалось еще полчаса. Но в семь Ярцев в вагон не явился. Старший группы терпеливо ждал еще пять минут, надеясь, что лейтенант вот-вот объявится. Когда же этого не произошло, он, пользуясь тем, что спящие соседи его не видят, пристегнул к поясу оперативную кобуру и сам направился в соседний вагон. Дверь купе, где ехали объекты, оказалась закрыта, и голосов за ней Холмогоров не услышал. В этом не было ничего странного – кавказцы еще могли спать. Тем не менее закрытая дверь и тишина за ней очень не понравились Холмогорову. Еще более его поразило то, что и купе его оперативников оказалось закрыто наглухо. Такого просто не могло быть! Во время наблюдения за объектом в поезде дверь своего купе наблюдатели постоянно держат приоткрытой. Иначе невозможно вести слежку!

Холмогоров изумленно остановился перед закрытой дверью. Но уже через секунду он увидел на пластиковой поверхности двери два малиновых пятна овальной формы, и его изумление сменилось ужасом. Капитан Холмогоров достаточно проработал в службе наружного наблюдения, чтобы узнать в малиновых пятнах на двери поездного купе отпечатки чьих-то окровавленных пальцев. Дрожащей рукой он достал из кармана носовой платок, обернул им дверную ручку и, взявшись за нее, потянул. Сухо щелкнул дверной замок, и дверь отъехала в сторону, открыв взору капитана залитое кровью купе.

6. ПОТЕРЯННЫЙ СЛЕД

*Начальнику Управления «В»
Центра спецопераций ФСБ РФ
генерал-майору Углову.
Спецсообщение*

В ночь с 29 на 30 ноября в поезде Соликамск – Казань Гамид Гамадов и сопровождающие его чеченские боевики, действуя холодным оружием, убили сотрудников службы наружного наблюдения: лейтенанта Ярцева и прапорщика Бочкарева, а также гражданку Ларионову 46 лет, пассажира поезда. После совершенного убийства боевики сошли с поезда на одной из промежуточных станций, предположительно – Сосновка, Вятские Поляны, Кукмор или Шемордан. Старший бригады наружного наблюдения капитан Холмогоров, ехавший отдельно, в соседнем вагоне, обнаружил гибель своих сотрудников лишь в 07.05, спустя один-два часа после совершенного убийства, когда чеченские боевики уже покинули поезд. В связи с чем начатые с опозданием оперативно-поисковые мероприятия результатов не дали.

Первичным осмотром тел погибших установлено, что убийцы действовали ножом и самодельной удавкой. У Ярцева и Бочкарева убийцами похищены их служебные удостоверения, радиостанции и личное оружие, а у гражданки Ларионовой деньги и вырванные из ушей золотые серьги.

По факту убийства военной прокуратурой Приволжско-Уральского округа возбуждено уголовное дело. В отношении лиц, проявивших недопустимую халатность при организации и проведении наружного наблюдения, в результате чего погибли двое сотрудников службы наружного наблюдения и гражданское лицо, а совершившим убийства преступникам удалось скрыться, в частности старшего группы наблюдения капитана Холмогорова, начато служебное расследование.

*Начальник Управления ФСБ Пермской области
генерал-майор Красноперов.*

*Начальнику оперативного отдела
полковнику Бондареву*

Используйте сведения, указанные в спецсообщении, при организации оперативно-поисковых мероприятий по розыску Гамадова на территории Чеченской республики. Ознакомьте с текстом спецсообщения командиров оперативно-боевых групп и всех бойцов подразделения, участвующих в розыске.

*Начальник Управления «В»
генерал-майор Углов.*

*Опорная база группировки федеральных сил, Ханкала
1 декабря, 17.00*

Стальной корпус «БТР» защищал от ветра, но не спасал от холода. И трем офицерам «Вымпела», трясущимся в его десантном отсеке, казалось, что облепившее тело мокрое, холодное обмундирование высасывает последние остатки тепла.

Весь день они провели в горах, куда еще до рассвета отправились по приказу начальника оперативного отдела «Вымпела» полковника Бондарева. Накануне в отряд из штаба объеди-

ненной группировки федеральных сил поступила оперативная информация о том, что в ближайшие дни диверсионно-террористическая группа чеченских боевиков предпримет попытку перейти из Веденского района Чечни на территорию Дагестана. Чтобы не пропустить бандитов в Дагестан, Бондарев направил трех командиров оперативно-боевых групп: майора Мокрушина и капитанов Овчинникова и Воронина обследовать участок предполагаемого перехода и выбрать оптимальное место для засады на пути диверсантов. В пять утра БТР доставил розыскников к горному перевалу, за которым и предстояло вести разведку. Но ночью в горах прошел обильный снегопад. Горные тропы оказались занесены снегом по колено, а седловины между скалами, которые тоже пришлось обследовать оперативникам, – по пояс. Днем же, как это часто бывает в горах, температура резко повысилась, покрывающий склоны снег начал обильно таять. И проводившим осмотр местности офицерам пришлось более десяти часов, где шагом, а где и ползком, пробираться в рыхлом и влажном снегу. К концу перехода их обмундирование, несмотря на влагостойкую пропитку, промокло буквально насквозь. И когда разведчиков забрал прибывший за ними БТР, мысли всех троих офицеров приняли одно и то же направление.

– В баньку бы сейчас! – широко улыбаясь, сказал Овчинников, среднего роста светловолосый офицер с голубыми веселыми глазами.

До того как Ворон возглавил собственную оперативно-боевую группу, он около года прослужил под началом Овчинникова. Несмотря на то что Ворон уже четвертый месяц сам командовал оперативной группой, Овчинников по-прежнему чувствовал свою ответственность за него и во время выполнения совместных заданий всячески опекал своего бывшего подчиненного. Последнюю фразу он произнес тоже в расчете на него. От холода у Ворона сводило челюсти, и в ответ на замечание Овчинникова он только кивнул. Овчинников же, зная, как важны для измученного организма положительные эмоции, продолжал развивать свою мысль:

– ...такую, чтобы жар до костей пробирал! Да с веничком березовым! Эх, хорошо!

Он даже взмахнул рукой, демонстрируя, как следует обмахиваться веником. А Ворон, взглянув на Овчинникова, с удивлением отметил, что лицо его бывшего командира покраснелось, словно он действительно оказался в бане.

Тут в разговор вступил и Мокрушин.

– А я больше сауну люблю, – признался он. – Сидишь на полке, парами эвкалиптового масла дышишь, которым перед этим камни сбрызнул, и чувствуешь, как по тебе пот стекает...

– Эх ты, любитель сауны! – с ехидной усмешкой перебил Мокрушина Овчинников. – Расписываешь ее достоинства, а даже не знаешь, что полки только в русской бане бывают!

Ворон с улыбкой наблюдал за шутивно препирающимися товарищами и неожиданно заметил, что холод, который, казалось, еще секунду назад сковывал все мышцы, постепенно отступает. И даже прикосновения к изнанке мокрого обмундирования уже не вызывают дрожь. Вскоре он и сам включился в начатый Овчинниковым разговор, охотно сравнивая достоинства русской и финской бани. Когда спустя два часа бронетранспортер въехал на территорию ханкалинской военной базы, несмотря на охлаждающую тело мокрую одежду, Ворон чувствовал себя вполне бодро.

Переодевшись в казарме в запасной комплект формы и развесив промокшее обмундирование в сушилке, офицеры дружно направились в столовую. Теперь, когда холод был преодолен, на первое место вышло чувство голода, так как сухой паек, который разведчики брали с собой и крайне экономно расходовали во время перехода, состоял лишь из пачки галет и нескольких кубиков сахара. Снаряжаясь в разведывательный дозор, все розыскники предпочли сэкономить место для боезапаса, являющегося основным средством выживания в чеченских горах.

По дороге в столовую офицеров догнал боец-вестовой и, обратившись к Воронину, сказал:

– Товарищ капитан, вас вызывает полковник Бондарев.

– Срочно? – опередив Воронина, спросил Овчинников.

В ответ вестовой только пожал плечами.

– Было бы что-то срочное, Бондарь так бы и сказал, – резюмировал Овчинников и тут же предложил Ворону: – Давай по-быстрому заправимся, потом все вместе доложимся.

– Я лучше сразу, – возразил ему Ворон. – А то разморит после ужина, соображать буду плохо, – в шутку добавил он и, развернувшись, быстро зашагал к отделу военной контрразведки.

По пути он ни разу не оглянулся, поэтому не заметил, как, глядя ему вслед, Овчинников одобрительно покачал головой.

При появлении Воронина Бондарев, оторвавшись от разложенных на его рабочем столе бумаг, поднял на вошедшего офицера внимательный взгляд и после приветствия сухо сказал:

– Садись.

Ворон в замешательстве опустился на стул у приставного стола. После обмена шутками с Овчинниковым и Мокрушиным он пребывал в веселом настроении, однако рядом с хмурым и явно чем-то озабоченным командиром собственная веселость показалась ему неуместной. Еще больше Ворона удивило то, что его доклад о результатах произведенной разведки Бондарев выслушал молча, не задав ни одного уточняющего вопроса, что было ему вовсе не свойственно. От этого Ворон еще больше смутился и поспешил закончить свой доклад.

– Обо всем напишешь подробный рапорт, отразив там собственные выводы, – ответил Бондарев, когда он замолчал. – А сейчас на вот, прочти, – и он протянул Воронину заполненный бланк шифротелеграммы.

Ворон поспешно взял предложенную ему шифротелеграмму, оказавшуюся спецсообщением руководства Пермского УФСБ, и начал читать. Дочитав текст спецсообщения до конца, он поднял на Бондарева изумленный взгляд и растерянно спросил:

– Как же так, Петр Валентинович?

– А вот так! – Резко взмахнув рукой, Бондарев разрубил ладонью воздух. – Упустили пермяки Гамадова и двоих своих людей потеряли! – Полковнику все труднее становилось сдерживать овладевшее им раздражение, и он возмущенно воскликнул: – Нет, ты заметил, они поручили слежку за тремя натаस्कанными боевиками всего одной бригаде и сейчас пытаются выставить старшего бригады виноватым! Уверен, его и сделают козлом отпущения! – Встав из-за стола, Бондарев нервно заходил по кабинету, но кабинет полковнику был явно мал, и, пройдя его из конца в конец, он вновь остановился перед Ворониным. – Что он мог сделать, этот капитан? Только погибнуть вместе со своими парнями! Наружников не обучают силовому задержанию, у них другая работа. А чтобы заломать этих зверей, нужны волкодавы, такие, как ты, Мокрушин или Антон Овчинников!

– Никто же не предполагал, что, обнаружив за собой слежку, боевики решатся на убийство наблюдателей, – попробовал возразить начальнику Ворон.

– А надо было предполагать! – Бондарев вновь рассек рукой воздух. – Гамадов и раньше был зверем, а после трех лет на зоне вообще взбесился. В басаевско-масхадовской Чечне он был богатейшим человеком. Весь нелегальный нефтепромысел держал в своих руках. А мы его всего этого лишили, да еще и упрятали за решетку. Да он на зоне ночи не спал, мечтая, как будет мстить. Вот и начал резать людей, как только оказался на свободе. Ведь генерал не случайно указал в направленной в Пермское управление ориентировке на его «особую опасность»! А пермяки не обратили на это внимания и выделили для слежки одну бригаду! И заметь: об убийстве своих сотрудников и побеге чеченцев им стало известно вчера в семь утра, а нам они сообщили об этом только сегодня к вечеру! Где сейчас могут быть эти бандиты? Наверняка уже где-то на подступах к Чечне. Вот, я набросал схему блокпостов, через которые они могут пройти. – Сдвинув в сторону разложенные на столе бумаги, Бондарев развернул перед Ворони-

ным среднемасштабную карту республики с отмеченными на ней блокпостами. – Надо подумать, кого из наших следует направить на блокпосты для опознания Гамадова и его бандитов.

Ворон в ответ с сомнением покачал головой:

– Вряд ли Гамадов повторит свою прошлую ошибку, во второй раз сунувшись на блокпост, тем более когда на нем висят три трупа. Сейчас он будет вдвое осторожен. Думаю, он попытается обойти блокпосты, чтобы вообще избежать любых возможных проверок. Для знающих местность людей это не так уж трудно.

– Гм, – глядя на карту, Бондарев задумался. – А его сопровождающие местности не знают. Значит, они снова обратятся к проводникам. – Он поднял взгляд на Воронина. – Тебе придется еще раз встретиться со Стрижом и проинструктировать его на случай, если старые знакомые вновь обратятся к нему за помощью.

– Ясно, – понимающе кивнул головой Ворон, но, вспомнив о предыдущем задании, растерянно спросил: – А как же засада на пути направляющихся в Дагестан диверсантов?

– Засаду организуют Мокрушин с Овчинниковым, – отрезал Бондарев. – Справятся. Им не в первый раз. А ты вплотную займись Гамадовым. Поверь моей интуиции, этот зверь намного опаснее кучки обвешанных оружием диверсантов.

* * *

Доев последнюю, уже третью по счету, порцию шашлыка, Гамид поймал за рукав снующего между столиками мальчишку и приказал принести чашку турецкого кофе. Приправленный вымоченным в уксусе луком шашлык оказался на редкость вкусным, и Гамид съел его с удовольствием. Правда, после зоновской баланды любая более-менее нормально приготовленная еда воспринималась как деликатес. Но эта мысль несколько не портила Гамиду аппетит, когда он откусывал куски сочного и в то же время в меру прожаренного мяса. Через два столика от него так же жадно работал челюстями Бадыр. У него не было никакой культуры еды. Чувствовалось, что он просто набивает брюхо, да еще и торопится, словно боится куда-то опоздать. Хотя спешить им обоим абсолютно некуда. Во всяком случае, пока не вернется отправившийся на поиски проводника Эльхан.

В ожидании, когда мальчишка принесет заказанный кофе, Гамид осмотрел обеденный зал кафе, куда час назад вошел вместе с Бадыром. Благодаря удачному расположению – а догадливый хозяин открыл свою забегаловку как раз напротив автобусной станции, – в кафе постоянно заходили посетители, и не только вайнахи, но и русские, среди которых оказалось даже шестеро военных. Большинство из них подолгу не задерживались и, поев, сразу же уходили. Лишь два старика в каракулевых папахах, неизвестно когда засевших в кафе, все так же лениво играли в нарды.

– Ваш кофе, – вынырнувший из-за стойки шустрый мальчишка поставил на столик чашку дымящегося кофе.

Обернувшись к мальчишке, Гамид кивком поблагодарил его и, когда тот снова исчез, улыбнулся, не разжимая губ. Малолетний официант обратился к нему по-русски! Значит, не узнал в нем вайнаха, подтвердив тем самым надежность маскировки. В кармане Гамида лежало удостоверение на имя русского лейтенанта Ярцева, но одно дело запудрить мозги билетерше и проводнице и совсем другое – сунуть чужую ксиву в глаза ментам или армейцам. До последнего момента Гамид не был уверен, что не засыплется при проверке документов. Но если уж он своим видом ввел в заблуждение коренного вайнаха, то русских проведет и подавно. Как водил их за нос всю дорогу, пока добирался до Чечни.

В Вятских Полянах, где пришлось сойти с казанского поезда после того, как они разделились с русскими ищейками, долго не задержались. Менее чем через час на станции останавливался проходящий поезд, на который они и сели. Бадыр с Эльханом предварительно купили

билеты, предъявив кассирше запасные паспорта. Гамид же вместо билета сунул под нос проводнице трофейное удостоверение русского лейтенанта, чего оказалось вполне достаточно, чтобы на свободном боковом месте плацкартного вагона без белья и постели доехать до Зеленодольска. В Зеленодольске все трое пересели на поезд, следующий до Астрахани, а оттуда на рейсовом автобусе доехали сначала до Кизляра, затем до Гудермеса и, наконец, до Старых Атагов, где, по словам Эльхана, жил нужный им проводник. По приезде в село Эльхан сразу отправился на поиски проводника, а Гамид с Бадыром остались дожидаться его в местном кафе, расположившись, чтобы не привлекать к себе внимания, за разными столиками.

Эльхан появился через полтора часа, когда Гамид допивал уже четвертую чашку кофе. Подносящий кофе мальчишка и его отец или дядька, хозяин забегаловки, должны были быть довольны столь выгодным посетителем. В первый момент Гамид решил, что Эльхан не нашел проводника, но, присмотревшись, увидел, что следом за ним по улице шагает какой-то недомерок в поношенном коротком пальтеце и вязаной шапке на голове. Вместе со щенком-недомерком Эльхан зашел в кафе и опустился за столик Гамида.

– Равшан, – указал он взглядом на своего спутника.

Тот в ответ сдернул с головы шапку. Гамид просто кивнул в знак приветствия. Теперь он смог увидеть, что спутнику Эльхана на вид около двадцати лет, хотя пристальный взгляд и озабоченное выражение лица делали его старше. Рассматривая приведенного Эльханом проводника, Гамид поймал себя на мысли, что парень ему не нравится. Уж слишком цепким и внимательным был его взгляд. На собеседника он смотрел так, словно старался его запомнить. Хотя, казалось бы, для чего ему это? Ведь в его деле чем меньше знаешь о заказчике, тем дольше живешь.

– Мой друг сообщил тебе, что нам нужно? – задал первый вопрос Гамид.

Но ответить проводник не успел, так как в этот момент, совсем некстати, возле столика появился мальчишка-официант.

– Шашлыка двойную порцию и чего-нибудь выпить, – обратился к нему Эльхан, однако, заметив кофейную чашку в руке Гамида, сейчас же поправился: – Кофе.

Мальчишка перевел вопросительный взгляд на Равшана, но тот в ответ отрицательно покачал головой. Для официанта этого оказалось вполне достаточно, и он тут же исчез. Проводник поднял взгляд на Гамида и кивнул утвердительно. В иных обстоятельствах его немногословие понравилось бы Гамиду, но после негативного восприятия оно уже не могло изменить сложившееся у него отрицательное впечатление. Пока мальчишка не принес Эльхану его заказ, Гамид и Равшан продолжали изучающе рассматривать друг друга. Эльхан же, которого, похоже, стало тяготить проявленное к его проводнику недоверие, поспешил заметить:

– Равшан толковый парень, – он одобрительно похлопал приведенного проводника по плечу. – Он уже помогал нам, да и не нам одним.

– Хорошо, – согласился Гамид. При всем недоверии к спутнику Эльхана он прекрасно понимал, что без проводника им не обойтись, а выбирать просто не из кого. – Веди нас.

Проводник опять кивнул, после чего наконец разлепил уста, и Гамид услышал его голос:

– Я зайду за вами в шесть вечера, когда стемнеет. Где вас найти?

Он был прав. Русские боятся темноты и к ночи забиваются на свои блокпосты и в казармы. Поэтому ночью идти куда безопаснее. Но Гамид интуитивно почувствовал, что ждать нельзя, и решительно сказал:

– Мы выйдем сейчас. И, пока не придем, ты будешь с нами.

Проводник снова кивнул. Очевидно, понял, что возражать бессмысленно. Немного подумав, он предложил:

– Проще всего, да и быстрее, на автобусе проехать в Чишки. Оттуда через перевал часов шесть пути. К ночи были бы на месте. Но на дороге в Чишки русские установили блокпост и проверяют там всех пассажиров. А у вас какие при себе документы?

И вновь вполне логичный вопрос не понравился Гамиду. Для чего проводнику знать, какие они имеют при себе документы? Правда, это кажется подозрительным ему одному. Эльхан же продолжает все так же смачно есть шашлык. Тем не менее заданный проводником вопрос требовал ответа, и Гамид сказал:

– Не беспокойся. У нас надежные документы.

Равшан снова кивнул, проявив отменную выдержку, и ответил:

– Тогда можем ехать. Я выйду на улицу, когда появится автобус, дам знать, – добавил он и попытался встать из-за стола.

Но Гамид, резко подавшись вперед, схватил его за плечо и удержал на месте:

– Сиди. Это сделает мой друг.

Эльхан даже не понял, что последние слова предназначались ему. Лишь когда Гамид пнул его под столом ногой, недоуменно вскинулся над своей миской и, встретившись с указующим взглядом Гамида, вышел из забегаловки на автобусную остановку. В его тарелке осталось еще несколько кусков шашлыка, взглянув на которые, Равшан жадно сглотнул слюну, но к мясу не притронулся. «Гордый», – заметил про себя наблюдающий за ним Гамид и тут же поймал себя на мысли, что если бы проводник жадно накинулся на оставшееся в миске мясо, то в какой-то мере ослабил возникшую по отношению к нему настороженность. Люди, чье поведение определяется примитивными инстинктами, достаточно предсказуемы и куда менее опасны, чем гордецы, подобные этому сопляку Равшану.

На остановке, с которой уходили следующие в южном направлении автобусы, постепенно начал собираться народ. Через какое-то время подъехал и автобус – переделанный под перевозку людей грузовик. Перекинувшись несколькими фразами с собравшимися на остановке женщинами, в кафе заглянул Эльхан и призывно махнул рукой. Еще до его знака Гамид оказался на ногах и вместе с проводником и присоединившимся к ним Бадыром вышел из кафе.

– Идет в Шатой, но через Чишки, – шепотом пояснил Эльхан, указав взглядом на автобус.

Проводник, которому в данном случае следовало бы высказать свое мнение, опять промолчал. Гамид принял решение самостоятельно:

– Едем.

Возражений ни от кого не последовало, и все четверо забрались в автобус...

Как Гамид и предполагал, проверка на блокпосту прошла без осложнений. Изучавший его трофейное удостоверение прапорщик-взвэшник лишь заметил, что офицеру опасно разъезжать по Чечне в одиночку, да еще в одном автобусе с местными, среди которых вполне могут оказаться бандиты, и посоветовал впредь быть осторожнее. Так же легко прошли проверку и Бадыр с Эльханом, не говоря о проводнике, который наверняка проезжал по дороге уже десятки раз и давно примелькался солдатам с блокпоста.

Зато последующий переход по горам оказался на редкость тяжелым и утомительным. За пять часов блуждания по лесу и горным тропам, даже несмотря на устроенный по его приказу получасовой привал, Гамид совершенно выбился из сил. Немногим лучше чувствовали себя и Бадыр с Эльханом. И только щуплый проводник по-прежнему оставался бодр и свеж, словно и не прошел вместе с ними более двадцати километров пути. Гамид уже начал думать, что проводник попросту водит их по лесу кругами, чтобы вымотать окончательно и затем обессиленных сдать русским. Но Равшан внезапно остановился и, указав рукой на слабый просвет среди деревьев, произнес одно-единственное слово:

– Пришли.

Гамид недоуменно сдвинул брови, но, внимательнее взглянув в указанном проводником направлении, действительно различил за деревьями очертания какого-то строения. Бадыр, сразу оживившийся при последнем сообщении Равшана, отбежал на пару десятков метров вперед, чтобы как следует рассмотреть виднеющийся за деревьями дом, но тут кто-то невидимый окликнул его из кустов. Бадыр ответил ему – Гамид не разобрал слов, но, видимо, задавшего

вопрос его ответ устроил, потому что на тропинку из кустов выбрался человек с автоматом в руках и вместе с Бадыром зашагал обратно. В темноте Гамид не смог как следует разглядеть лица незнакомца, но понял, что прежде никогда не встречался с ним. Зато Эльхан, очевидно, хорошо знал дозорного, потому при его появлении радостно всплеснул руками и, подойдя вплотную, крепко обнял его. Пока они приветствовали друг друга, Бадыр сообщил Гамиду:

– Усадьба Али Рябого, – и, понизив голос до шепота, добавил: – Сам Верховный эмир приехал сюда, чтобы отпраздновать твое возвращение.

Гамид улыбнулся. То, что Шамиль решил лично встретить его, безусловно, свидетельствовало, что в самое ближайшее время он вновь займет один из ключевых постов в организации Верховного эмира. И, стремясь приблизить этот момент, Гамид быстро зашагал по тропинке к темнеющему за деревьями дому. Пропустив его вперед, Бадыр с Эльханом и охранник-дозорный двинулись следом за ним. Немного помедлив, к ним присоединился и Равшан. Ничего этого Гамид не заметил, а когда миновал опушку, то и вовсе забыл о своих сопровождающих, потому что в этот момент в доме приоткрылась входная дверь и на крыльцо с керо-синовым фонарем в руке вышел сам Верховный эмир Ичкерии – Шамиль Басаев.

* * *

За ужином Гамид внимательно наблюдал за Басаевым. Верховный эмир ел мало: лишь изредка с печальным видом отправлял в рот куски холодной отварной баранины. Возможно, изображал скорбь по оккупированной русскими Ичкерии, демонстрируя солидарность с угнетаемым народом, а возможно, и в самом деле был чем-то удручен. Правда, судя по сытному, богато накрытому столу, недостатка в средствах он не испытывал. Так что скорее всего имела место показная печаль. Пока велись общие разговоры о ситуации в Чечне, о положении вайнахов, живущих в России, и о тяжелой судьбе самого Гамадова, прошедшего русские тюрьмы и зону, Гамид старательно скрывал от Басаева, что сомневается в истинности демонстрируемых им чувств, и с нетерпением ждал, когда же Верховный военный эмир наконец перейдет к главному. Вместе с Гамидом Басаев усадил за стол и Эльхана с Батыром. Гамид беспокоился, что он пустит к столу и мальчишку-проводника, но Верховный эмир все же проявил сообразительность и не опустился до рядового бойца, приказав хозяину дома покормить Равшана у себя на кухне. Вдоволь налопавшись дармового сыра и баранины, Эльхан и Бадыр с разрешения эмира тоже вышли из-за стола. У них явно не хватало словарного запаса, чтобы поддерживать заведенный Басаевым разговор, и они поспешили покинуть комнату. Увидев, как при этом изменилось лицо Басаева, Гамид понял, что своим разговором он именно этого и добивался.

– Может, пойдем ко мне? – предложил Басаев, когда они остались вдвоем.

Гамид понимающе кивнул. За те три года, что они не виделись, Шамиль стал еще более скрытен и осторожен.

Из столовой Басаев провел гостя в маленькую комнату с узким, больше похожим на люк окном, служившую ему временным пристанищем. Из мебели здесь имелись только деревянный топчан, самодельный стеллаж у противоположной стены, служащий военному эмиру рабочим столом, да принесенный откуда-то, возможно, из той же столовой, резной стул. На стеллаже лежал туго набитый бумагами армейский планшет, а возле стены, под окном, стояли автомат и рюкзак Басаева. Заметив скептический взгляд Гамадова, осматривающего его жилище, Басаев пренебрежительно махнул рукой:

– Я здесь не живу. И вообще нигде дольше нескольких дней не останавливаюсь, чтобы русские собаки не напали на след.

Гамид тактично промолчал. Находясь в колонии, он совсем иначе представлял себе жизнь Верховного эмира и его ближайших помощников.

Басаев прошелся по комнате – четыре шага до стеллажа и столько же обратно до топчана у противоположной стены, не комната, а клетка – и, усевшись на топчан, заговорил:

– Русские научились отыскивать наши базы, которые мы с таким трудом соорудили в горах. Они рыщут по горам, выискивая наши убежища, и некоторые из них уже уничтожили. Поэтому я отдал приказ всем подразделениям перейти к новой, более жесткой тактике. Мы будем жалить гяуров, как пчелы, изматывая их непрерывными мелкими и крупными уколами, пока окончательно не изгоним их с нашей земли...

Слушая Басаева, Гамид откровенно заскучал. Он надеялся, что, когда они останутся наедине, Басаев перейдет к конкретным предложениям. А оказалось, тот настолько вжился в образ верховного главнокомандующего, что уже не может обойтись без пафосных речей.

– Напуганные нашими действиями русские свиньи уже боятся соваться в горы, потому что знают, там их ждет смерть! – не замечая противоречия со своими же ранее произнесенными словами, с прежним пафосом продолжал Басаев. – Они чувствуют себя спокойно только в своих гарнизонах: в Ханкале, Моздоке, Владикавказе. А нам нужно сделать так, чтобы кафиры нигде не чувствовали себя в безопасности. Добиться этого можно только масштабными диверсиями в русских гарнизонах. Но для проведения диверсий нужна взрывчатка, много взрывчатки, доставать которую становится все труднее, а сделанные ранее запасы практически истрачены. Но сейчас, когда ты снова с нами, у нас не будет с этим проблем. – Видя, что Гамадов не спешит с ответом, Басаев с надеждой спросил: – Ведь ты поможешь нам изготовить взрывчатку? В конце концов, это просто твой долг как моджахеда и настоящего чеченца.

– Долг?! – внезапно резко воскликнул Гамадов. – А кто вспоминал о долге, когда я три года гнил на русской зоне?! Кто-нибудь из моджахедов и настоящих чеченцев хотя бы попытался вытащить меня оттуда?! Вы даже не представляете, что значит три года просидеть бок о бок с погаными зэками, которые еще хуже свиней! Запомни: я никому и ничего не должен! Наоборот, это вы должны мне, потому что это я провел три года в аду! – Гамадов с силой ударил себя кулаком в грудь. – Я, а не вы! Да, я хочу и буду убивать русских, рвать их на куски, но не потому, что так велит мне какой-то абстрактный долг, а потому что я их ненавижу! За каждый год, за каждый день моих мучений они заплатят мне десятками, нет, сотнями своих жизней!

Басаев торжествующе улыбнулся. Он даже решил молча снести нанесенное Гамадовым оскорбление, так как понял, что его лучший взрывник жаждет мести. А месть самозванный лидер чеченских боевиков всегда считал самым сильным движущим мотивом. Но его торжество оказалось преждевременным.

Гамадов внезапно ударил ногой по основанию сооруженного у стены стеллажа и гневно выкрикнул ему в лицо:

– Ты просишь меня изготовить взрывчатку! Где?! В этом сарае?! Для производства взрывчатки нужна как минимум химическая лаборатория, исходное сырье, реактивы! Где все это?! Ты живешь, кочуя по вырытым в земле блиндажам и старым халупам, и хочешь, чтобы я, таскаясь за тобой, производил взрывчатку. Твоя идея настолько наивна, что я даже не берусь ее комментировать.

Басаев озадаченно раскрыл рот. До встречи с Гамадовым он считал, что с возвращением взрывника поставки взрывчатки в его отряды возобновятся в прежнем объеме. А оказалось, что проблема намного сложнее и один химик-взрывник без соответствующего оборудования и сырья решить ее не в состоянии. Но Гамадов уже сам взялся за решение возникшей проблемы и, усевшись верхом на стул, деловито спросил:

– Мои перегонные мини-заводы еще действуют?

– Ты спрашиваешь про те цистерны, в которых перегоняется нефть? – уточнил Басаев.

– Да, черт возьми!

– Действуют. Хотя русские постоянно взрывают цистерны, но мы устанавливаем новые.

Гамадов улыбнулся:

– Значит, ты по-прежнему гонишь в Россию самопальный бензин, – констатировал он. – Интересно, сколько процентов дохода от этого бизнеса причитается мне?

Басеев не ответил. Но его напряженное молчание еще больше развеселило Гамадова, и он сказал:

– Ладно, позже сочтемся. Сейчас речь о другом. Как я понял, у тебя вдоволь бензина и прочих нефтяных фракций. Думаю, из этого добра может получиться отличный подарок для русских, – мечтательно закончил он.

* * *

В сарае было холодно. Ворон давно заметил, что внутри нежилых строений обычно не теплее, чем снаружи. И, ожидая агента, подумал, что если Равшан, как обычно, задержится, он рискует здорово замерзнуть. Чтобы не стеснять движений на случай огневой схватки, Ворон не стал поддевать лишнюю одежду, и его армейский бушлат являлся единственной теплой вещью. Для дополнительного тепла можно было надеть под десантный комбез шерстяное белье, как поступали отправляющиеся в дозор разведчики, но в спешке своих сборов про теплое белье он начисто забыл.

Равшан позвонил всего три часа назад и назначил встречу на семь вечера. Судя по срочности вызова, агенту не терпелось поделиться с куратором имеющейся у него информацией. Собираясь на встречу с агентом, Ворон остро жалел о том, что не смог сам с ним переговорить. В момент звонка его не было в отделе контрразведки, и Равшан оставил свое сообщение на автоответчике. Связь между агентом и курирующим его офицером «Вымпела» осуществлялась через обычный городской номер грозненской телефонной сети. Секрет заключался в том, что реальный телефон находился вовсе не в Грозном, а в отделе военной контрразведки ханкалинской военной базы. Дежурный офицер «Вымпела» регулярно прослушивал все поступившие на него сообщения и затем передавал их по назначению. Однако из-за отсутствия розыскников на месте иногда возникали задержки. Так и Ворон получил сообщение Равшана, когда до назначенного агентом времени встречи осталось менее двух часов. Ему с трудом удалось найти попутную машину, чтобы доехать до Старых Атагов. Тем не менее он успел вовремя и оказался у пилорамы за двадцать минут до указанного Равшаном срока...

Прикинув к щели в стене сарая, Ворон напряженно вглядывался в даль и вслушивался в вечерние звуки. Давно стемнело, но пробивающийся сквозь тучи лунный свет отражался от выпавшего за день снега, так что вблизи пилорамы все же можно было кое-что рассмотреть. В этом отраженном свете он и увидел идущую по заметенной снегом дороге невысокую темную фигуру и сразу узнал по походке Равшана. Судя по его быстрому шагу, парнишка сильно спешил. Поравнявшись с пилорамой, он свернул к сараю и, приоткрыв ворота, протиснулся внутрь. Ворон шагнул из темноты ему навстречу, давая возможность рассмотреть себя.

Увидев перед собой вымпеловца, Равшан облегченно вздохнул:

– Уф. Я боялся, ты не придешь.

– Ты же звал меня. Как я мог не прийти?

– Да, – Равшан согласно кивнул головой. – Но я думал, вдруг ты не успеешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.